

Орасио Кирога

СКАЗКИ СЕЛЬВЫ

ОРАСИО КИРОГА

Сказки сельви

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1954

*Переводы под редакцией
И. ТЫНЯНОВОЙ*

ОРАСИО КИРОГА

Орасио Кирога — крупнейший латиноамериканский писатель — родился в городе Сальто (Уругвай) 31 декабря 1878 года. Детство и юность Кироги прошли в Уругвае, но большую часть своей жизни он провел в Аргентине. В молодости Кирога много путешествует по этим странам, меняет ряд профессий: журналиста, учителя гимназии, мирового судьи — и даже пытается заниматься коммерческой и предпринимательской деятельностью.

В 1901 году выходит первый сборник его стихов «Коралловые рифы». Через несколько лет Кирога публикует серию детективных и фантастических рассказов, написанных в манере Эдгара По.

В 1909 году писатель поселяется в Миссонес, отдаленной северной провинции Аргентины. Здесь, среди девственной природы тропиков, начинается наиболее плодотворный период его творчества. С 1910 по 1926 год Кирога создает несколько сборников рассказов, которые принесли ему признание далеко за пределами родины. Наиболее известные из них — «Рассказы о любви, безумии и смерти» (1917), «Сказки сельвы» (1918), «Анаконда» (1921), «Изгнанники» (1926) и другие.

Южноамериканский девственный лес — сельва, ее суровые обитатели становятся главной темой его произведений. Сама по себе эта тема не была новой в литературе Латинской Америки, однако ни у одного из предшественников Кироги она не нашла столь яркого реалистического воплощения. Заслуга Кироги заключается не только в том, что он первый увидел сельву без всяких экзотических прикрас глазами большого художника и любознательного натуралиста, но и в том, что он один из первых ввел в уругвайскую и аргентинскую литературу нового героя — своего современника, простого труженика, загнанного цивилизацией и бурным развитием капитализма в самые

отдаленные «медвежьи» углы дикой сельвы, где ему приходится вести ожесточенную борьбу за существование с суровыми силами природы и несправедливостью общества. Этих героев мы видим в его рассказах «Поденщики», «Ловцы бревен», «Изгнанники» и других. Кирога создает целую галерею образов — лесорубов, пеонов-батраков, бродяг, индейцев, провинциальных чиновников, опустившихся интеллигентов. «Мои персонажи,— писал Кирога в рассказе «Воспоминание»,— обычно не избалованы судьбой, и многие из них, особенно герои рассказов о сельве, в жизни не знают ничего иного, кроме тяжелой борьбы против нищеты и стихийных сил природы».

Судьба этих героев применительно к особым условиям Латинской Америки нашла в творчестве Кироги свое глубокое и исторически верное отражение.

Последний период жизни писателя совпадает по времени с острым экономическим кризисом и усилением реакции в Аргентине и Уругвае. В творчестве Кироги намечается известный спад, увеличивается интерес к мистике и иррациональной фантастике, слабеет здоровое реалистическое начало.

Трагически сложившаяся личная жизнь, тяжелый недуг и материальные затруднения приводят к тому, что 19 февраля 1937 года писатель кончает жизнь самоубийством.

В историю латиноамериканской литературы Кирога вошел как мастер короткого рассказа. Значительное место в творчестве писателя занимают рассказы и сказки о животных: «Анаконда», «Возвращение Анаконды», «Родина», «Сказки сельвы» и некоторые другие. Отличительной чертой названных произведений является сочетание занимательного сюжета с чрезвычайно точным описанием внешности, повадок, своеобразной «психологии» животных. Нельзя не отметить и того, что во многих из них, в аллегорической форме, отражаются в известной мере и общественно-политические взгляды писателя. Так, рассказ «Родина» является протестом Кироги против национальной ограниченности; в «Анаконде» в образе Змеиного Конгресса дана сатира на буржуазный парламент, а в сказке «Война крокодилов» отчетливо выступают антивоенные и антиимпериалистические мотивы.

Сказки Кироги проникнуты большим поэтическим чувством, просты по сюжету и обладают несомненной воспитательной ценностью. Понятия дружбы, самоотверженности, трудолюбия и других высоких моральных качеств раскрываются Кирогой в занимательной и в то же время безыскусственной художественной форме.

С. Мамонтов

ГИГАНТСКАЯ ЧЕРЕПАХА

Ж

ил когда-то в Буэнос-Айресе один человек. Жил он счастливо, потому что был здоровый и работящий. Но вот как-то раз он заболел и врачи сказали ему, что только на свежем воздухе может он вылечиться, а в городе ему оставаться никак нельзя. Однако он не хотел уезжать: ведь если бы он уехал, его младшие братья умерли бы с голоду. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже, и вот, наконец, один его друг, директор зоологического сада, сказал ему:

— Вы — мой друг, и я знаю, что вы человек честный и работящий. Поэтому я хочу, чтобы вы уехали жить по дальше от города, в лес. Там вы будете гулять на свежем воздухе и скоро вылечитесь. А так как вы метко стреляете из ружья, поохотьтесь пока что на диких зверей, а когда приедете, привезите мне их шкуры, я же заплачу вам деньги вперед, чтобы ваши братишки не умерли без вас с голоду.

Больной согласился и уехал жить далеко-далеко от города, даже не в Мисьонес, а еще дальше.

Там было очень тепло, и больной стал понемногу поправляться.

Жил он в лесу совсем один и сам готовил себе пищу. Он охотился на птиц и диких зверей, и поэтому у него всегда к обеду было мясо. А еще он ел фрукты, которые срывал с деревьев. Спал он под деревом, а в ненастные дни за пять минут сплетал себе навес из пальмовых листьев и сидел под ним, покуривая трубку; а ливень хлестал и лес содрогался вокруг от рева ветра.

Из шкур убитых зверей он сделал сверток и всегда носил его на плече. Он наловил много ядовитых змей и посадил их в выдолбленную тыкву; в тех землях тыквы большие, как бидоны для керосина.

И опять к нашему охотнику вернулось здоровье, снова был он румян и крепок. И вот в один прекрасный день, когда ему очень хотелось есть, потому что последние два дня охота была неудачной, он увидел на берегу озера огромного тигра, который держал в лапах черепаху и ставил ее ребром, пытаясь просунуть лапу под панцырь, чтобы достать когтями мясо. Увидев человека, тигр издал грозный рев, прыгнул и уже вцепился было в охотника, но меткий стрелок всадил ему пулю между глаз и раздробил череп. Потом он содрал с тигра шкуру, которая оказалась такой большой, что одна могла послужить ковром для целой комнаты.

— А теперь, — сказал охотник, — поем-ка я черепашье-го мяса, говорят, оно очень вкусное.

Но когда он подошел к черепахе, то увидел, что она ранена — голова ее была почти оторвана от туловища и еле держалась.

Несмотря на голод, охотнику стало жаль бедную черепаху. Перевязав ее веревкой поперек туловища, он до-тащил ее до своего навеса и, изодрав на бинты свою единственную рубаху, так как тряпок у него не было, перевязал черепахе голову. Ему пришлось тащить черепаху на веревке, потому что она была огромная, выше стула, а весила не меньше взрослого человека.

Черепаха так и осталась в углу под навесом и целыми днями лежала там, ни разу не пошевельнувшись.

Охотник каждый день лечил ее, перевязывая ей голову, а потом легонько похлопывал ее рукой по спине.

Наконец, черепаха выздоровела. Но тогда заболел сам охотник. У него был жар, все тело болело. Потом он слег совсем. Жар все увеличивался, его мучила жажда, в горле пересохло. Охотник понял, что тяжело болен, и

тогда он заговорил, хоть и был совсем один и никто не мог его слышать.

— Я умру, — говорил охотник, — я здесь один, я не в силах встать, и некому даже подать мне стакан воды. Я умру здесь от голода и жажды.

А через некоторое время жар усилился, и он потерял сознание.

Но черепаха слышала все и поняла, что хотел сказать охотник. И она подумала:

«Этот человек не съел меня тогда, хотя и был очень голоден. Он меня вылечил. Теперь я буду лечить его».

И она отправилась к озеру, отыскала панцырь маленькой черепахи и, как следует почистив его золой и песком, наполнила водой и дала пить человеку, который без сил лежал на своем пончо¹ и умирал от жажды. Потом пошла искать вкусные коренья и нежные травы и принесла их охотнику, чтобы он поел. Охотник ел, не замечая, кто его кормит, потому что все время бредил и никого не узнавал.

Каждое утро черепаха бродила по лесу, находила вкусные коренья и приносила их охотнику; если бы она умела лазить по деревьям, она бы ему и фруктов раздавала.

Так кормила она охотника много дней подряд, а он и не знал, кто приносит ему пищу. В один прекрасный день он пришел в себя и, посмотрев во все стороны, увидел, что он один, потому что под навесом находились только он и черепаха, которая была всего лишь животное.

И он снова заговорил:

— Я совсем один в этом лесу, лихорадка вернется снова, и я умру здесь, ведь только в Буэнос-Айресе есть лекарства, которые могут меня вылечить. Но туда мне никогда не дойти, и я умру здесь...

Как он сказал, так и вышло: в тот же вечер лихорадка вернулась с новой силой, и он опять потерял сознание.

Но и на этот раз черепаха услышала его слова и сказала себе:

— Если он останется в лесу, то обязательно умрет, потому что лекарств здесь нет. Я должна отнести его в Буэнос-Айрес.

---

¹ Пончо — накидка, плащ, который носят жители многих латиноамериканских стран.

Сказав это, она нарезала тонких и крепких лиан, похожих на веревки, осторожно уложила себе на спину охотника и как следует привязала его, чтобы он не упал. Ей долго не удавалось приладить хорошенъко у себя на спине ружье, шкуры и тыкву со змеями, но в конце концов ей удалось примостить все это, не побеспокоив больного, и тогда она отправилась в путь.

Так, с поклажей на спине, черепаха все шла, шла и шла, шла днем и шла ночью. Она шла через леса и поля, переплывала реки, шириной в целую милю, ползла по непроходимым болотам, где несколько раз чуть не завязла, а на спине у нее лежал умирающий человек. Через каждые семь-восемь часов она останавливалась где-нибудь на сухом месте, развязывала веревки и осторожно укладывала больного на зеленую травку. Тогда она шла за водой, находила сладкие коренья и давала все это охотнику. Потом она ела сама, хотя чувствовала себя такой усталой, что предпочла бы выспаться.

Иногда ей приходилось идти под палящим солнцем; стояло душное лето, лихорадка очень мучила охотника, и он громко бредил, умирая от жажды. Он кричал: «Пить! Пить!» И черепаха должна была часто поить его.

Так шла она день за днем, неделю за неделей. С каждым часом приближались они к Буэнос-Айресу, но с каждым часом черепаха становилась все слабее и слабее, все больше выбивалась из сил, хотя и не жаловалась на свою судьбу. Иногда она падала и долго лежала без движения, а охотник приходил в себя и говорил:

— Я умру, мне становится все хуже и хуже, и только в Буэнос-Айресе могли бы меня вылечить. Но я умру один здесь, в этом лесу.

Он думал, что все еще находится под своим навесом, и не замечал ничего вокруг. Тогда черепаха поднималась и снова пускалась в путь.

Но вот как-то раз, когда уже вечерело, бедная черепаха упала и больше не могла встать. Силы изменили ей. Ведь она уже целую неделю не ела, чтобы скорее добраться до Буэнос-Айреса.

Когда стало совсем темно, она увидела на горизонте какой-то далекий свет, какое-то сияние, которое освещало все небо, но не знала, что это такое. Она чувствовала, что все больше слабеет, и закрыла глаза, чтобы умереть ря-

дом с охотником, с грустью думая о том, что не смогла спасти человека, который был так добр к ней.

И тем не менее черепаха уже пришла в Буэнос-Айрес, хотя и не знала об этом. Свет, который она видела на небе, был отблеском огней города, и она умирала, находясь у цели своего героического путешествия.

Но какой-то мышонок,— возможно, это был мышонок Перес¹,— случайно увидел умирающих путников.

— Вот так черепаха! — сказал мышонок.— Никогда я не видел такой большой черепахи. А что это у тебя на спине? Дрова?

— Нет,— с грустью ответила черепаха.— Это человек.

— А куда же ты с ним идешь? — спросил любопытный мышонок.

— Я иду... Я иду... Я хотела идти в Буэнос-Айрес,— ответила бедная черепаха так тихо, что ее едва можно было расслышать.— Но, видно, придется умереть здесь, потому что я никогда не дойду...

— Ах ты, глупая, глупая,— сказал, смеясь, мышонок.— Никогда я не видел такой глупой черепахи! Да ведь ты уже пришла в Буэнос-Айрес! Огни, которые ты видишь там, впереди, и есть Буэнос-Айрес.

Услышав это, черепаха почувствовала в себе такую силу, какой никогда не чувствовала, потому что снова ожила в ней надежда спасти охотника. И она пустилась в путь.

А на рассвете, когда все еще спали, директор зоологического сада увидел едва живую, забрызганную грязью черепаху, на спине которой, крепко-накрепко привязанный лианами, лежал умирающий человек. Директор узнал своего друга и мигом раздобыл лекарства, приняв которые, охотник сразу же вылечился.

Когда охотнику рассказали о том, как черепаха спасла его, как прошла она триста миль, чтобы его вылечить, он больше не захотел расставаться с нею. И так как он не мог держать ее у себя дома, потому что там было очень мало места, друг его предложил взять ее к себе в зоологический сад и обещал обращаться с ней, как с родной дочерью.

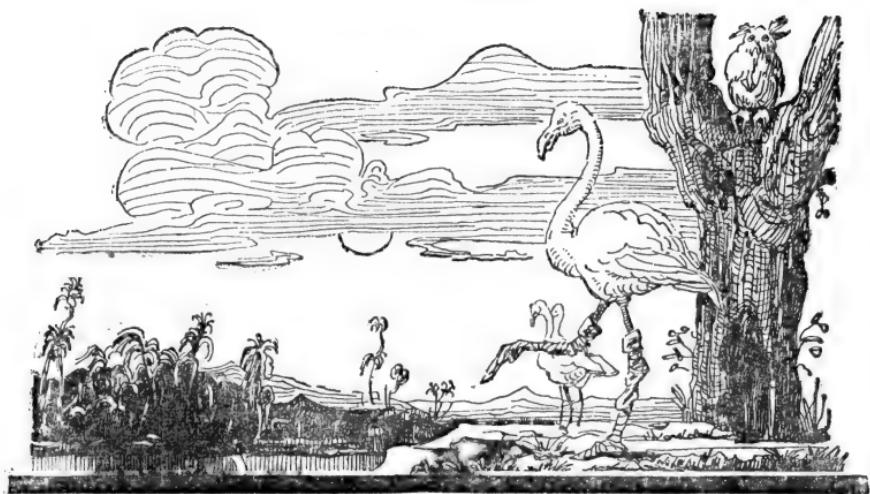
Так и случилось. Черепаха, счастливая вниманием и лаской окружающих, разгуливает по всему саду. Это и

¹ Мышонок Перес — персонаж аргентинских сказок.

есть та самая знакомая вам черепаха, которая каждый день щиплет травку возле клеток с обезьянами.

По вечерам охотник ходит к ней в гости, и она издали узнает шаги своего друга. Они проводят вдвоем несколько часов, и черепаха никогда не отпускает его, прежде чем на прощанье он не похлопает ее ласково по спине.

ЧУЛКИ ФЛАМИНГО

Мак-то раз змеи давали бал. Они пригласили лягушек и жаб, фламинго, крокодилов и рыб. Рыбы, так как ног у них нет, танцевать, конечно, не могли. Но, поскольку бал происходил у реки, они, подплыв к песчаному берегу, высовывались из воды и радостно хлопали хвостами.

Крокодилы для красоты надели банановые ожерелья и курили парагвайские сигары. Жабы оделись с ног до головы в блестящую рыбью чешую и расхаживали покачиваясь, словно плывя. И каждый раз, когда они, очень важные, приближались, гуляя, к берегу, рыбы поднимали шум, издеваясь над ними.

Лягушки, сильно надушенные, ходили на задних лапках. И, кроме того, каждая из них повесила себе на шею вместо фонарика маленького светлячка, который раскачивался при каждом движении.

Но кто был действительно красив, так это змеи. Они были одеты, как балерины, и каждая — под цвет своей кожи. На красных змеях были юбочки из красного тюля, на зеленых — из зеленого, на желтых — из желтого, а у

змей яараá — из серого тюля в полоску пепельного и кирпичного цвета, потому что у яараá такая кожа.

Особенно поражали своим нарядом коралловые змеи, которые были одеты в длинные черно-красно-белые нарядки из тонкого газа и, танцуя, извивались, как яркие бумажные ленты. Когда змеи танцевали и кружились, касаясь земли всего лишь кончиком хвоста, все приглашенные хлопали в ладоши, упиваясь от восторга.

Только фламинго, у которых в то время были, белые ноги и такой же, как и сейчас, толстый и кривой нос, были грустны: глупые птицы не сумели принарядиться к празднику, у них на это не хватило смекалки. И поэтому, увидев, что все пришли такие нарядные, они терзались завистью. Особенно завидовали они коралловым змеям. И каждый раз, когда какая-либо из коралловых змей, изящно извиваясь, проносилась мимо них в своей прозрачной волнистой одежде, фламинго умирали от зависти.

Тогда один из фламинго сказал:

— Я знаю, что нам делать. Давайте наденем черно-красно-белые чулки, и коралловые змеи влюбятся в нас.

И, разом поднявшись в воздух, они перелетели через реку и, опустившись на землю возле одной из городских лавок, постучали в дверь.

Тук-тук! — стучали они своими ногами.

— Кто там? — отозвался лавочник.

— Это мы, фламинго. Есть у вас в продаже черно-красно-белые чулки?

— Нет, таких чулок нет, — ответил лавочник. — Да вы сумасшедшие, что ли? Таких чулок вы нигде не найдете.

Фламинго улетели и постучались в другую лавку.

— Тук-тук! Есть у вас черно-красно-белые чулки?

Лавочник ответил:

— Как вы сказали? Черно-красно-белые? Таких чулок вам нигде не сыскать. Вы просто сумасшедшие. Кто вы такие?

— Мы — фламинго, — ответили птицы.

Тогда лавочник сказал:

— Ну, значит вы — сумасшедшие фламинго.

Фламинго снова улетели и постучались в третью лавку.

— Тук-тук! Есть у вас черно-красно-белые чулки?

Лавочник закричал:

— Какие? Черно-красно-белые? Только таким глупым носатым птицам, как вы, может прийти в голову спрашивать подобные чулки. Немедленно убирайтесь прочь!

И лавочник, схватив метлу, набросился на бедных фламинго.

Так фламинго побывали во всех лавках, и отовсюду их гнали и повсюду их обзываали сумасшедшими.

И вот тут одному броненосцу, который пришел напиться к реке, пришло в голову подшутить над фламинго, и, обратившись к ним самым что ни на есть почтительным тоном, он сказал:

— Добрый вечер, сеньоры фламинго. Я знаю, что вы ищете. Таких чулок вы не найдете ни в одной лавке. Может быть, они продаются в Буэнос-Айресе, но тогда пришлось бы просить, чтоб вам прислали их почтовой посылкой. Только у совы, моей невестки, найдется то, что вам нужно. Попросите ее, и она достанет вам черно-красно-белые чулки.

Фламинго поблагодарили и полетели к пещере, где жила сова. Они сказали ей:

— Добрый вечер, сова. Мы пришли попросить у тебя черно-красно-белые чулки. Сегодня у змей большой бал, и если мы найдем такие чулки, коралловые змеи влюбятся в нас.

— С большим удовольствием! — ответила сова. — Подождите немножко, я сейчас вернусь.

И, улетев, оставила фламинго одних. Через некоторое время она вернулась и принесла чулки, но только это были совсем не чулки: каждый чулок был кожей коралловой змеи и кожа эта, чудесной, яркой расцветки, была содрана со змей, которых только что изловила сова.

— Вот вам чулки, — сказала она. — Теперь вы можете быть спокойны. Только не забывайте о том, что я вам скажу: танцуйте всю ночь напролет, танцуйте, не останавливаясь ни на минуту, кружитесь, становитесь на голову, — словом, танцуйте как хотите, но только не останавливайтесь ни на минуту. А остановитесь — кончайте пляску, получайте таску.

Но глупые фламинго так и не поняли, какая опасность им угрожает, и, обезумев от радости, стали натягивать чулки из змейной кожи на свои длинные ноги. Так, счастливые и довольные, они полетели на бал.

Увидав фламинго в таких роскошных чулках, все стали завидовать им. Змеи не желали танцевать ни с кем, кроме них; а так как фламинго ни на секунду не останавливалась, невозможно было рассмотреть, из чего сделаны эти изумительные чулки.

Однако мало-помалу змеи начали подозревать что-то недоброд. И когда фламинго, танцуя, проносились мимо них, змеи склонялись до самой земли, чтобы лучше рассмотреть странные чулки.

Коралловым змеям было особенно не по себе. Они не сводили глаз с чулок и вытягивались, стараясь достать языком до ног фламинго, потому что язык служит змеям так же, как человеку руки. Но фламинго все плясали и плясали, не останавливаясь ни на секунду, хотя уже совсем выбились из сил.

Коралловые змеи, увидев, что фламинго едва держатся на ногах, попросили у лягушек их фонарики, которые были не что иное, как маленькие светлячки, и, собравшись в кучу, стали ждать, когда фламинго упадут от усталости.

И действительно, спустя минуту один фламинго, совсем обессилев, споткнулся об окурок сигары, брошенный кем-то из крокодилов, пошатнулся и упал на бок. Коралловые змеи бросились к нему со своими фонариками и ярко осветили его ноги. Они поняли, из чего сделаны его чулки, и подняли такое шипение, что было слышно на другом берегу Параны.

— Это не чулки! — кричали змеи.— Мы знаем, что это такое! Нас обманули! Фламинго убили наших сестер и на-дели вместо чулок их кожу! На них чулки из кожи коралловых змей!

Услышав это, фламинго, дрожа от страха и поняв, что разоблачены, хотели немедленно улететь, но они так устали, что были уже не в силах пошевельнуть хотя бы одним крылом. Тут коралловые змеи набросились на них и, обвившись вокруг их ног, в один миг искромсали проклятые чулки, яростно раздирая их в клочья и покрывая голые ноги фламинго своими ядовитыми укусами.

Фламинго, обезумев от боли, метались из стороны в сторону, пытаясь сбросить змей, обвившихся вокруг их ног. Наконец, видя, что от проклятых чулок не осталось ни клочка, змеи отпустили фламинго и уползли, усталые, оправляя свои измявшиеся газовые накидки. К тому же коралловые змеи были уверены, что фламинго скоро

умрут, ведь по крайней мере половина тех змей, которые жалили несчастных фламинго, были ядовиты.

Но фламинго не умерли. Корчась от невыносимой боли, они побежали к воде. Они кричали от боли, и их ноги, которые раньше были белыми, стали красными от змеиного яда. Дни проходили за днями, а ноги у фламинго все болели, их жгло, как огнем. И они сделались совсем красными, красными, как кровь, и все это — от змеиного яда.

Много, много времени прошло с тех пор. Но и сейчас фламинго по целым дням простоявают в воде, чтоб хоть немного остудить свои ноги, которые все еще болят и навсегда остались красными.

Иногда они выходят из воды и делают несколько шагов по земле, чтоб посмотреть, не лучше ли им. Но на земле боль от старых укусов снова возвращается, и фламинго опять бегут к воде. Иногда ноги у них так горят, что они поджимают одну ногу и стоят в воде целыми часами, не в силах пошевелиться.

Вот вам история фламинго, у которых раньше были белые ноги, а теперь — красные. Все рыбы знают эту историю и смеются над ними. А фламинго, покуда стоят в воде, чтоб остудить больные ноги, не упускают случая отомстить рыбам за это. И стоит какой-нибудь храброй рыбешке подплыть к ним поближе, опускают клюв в воду и заглатывают дерзкую насмешницу.

ПЛЕШИВЫЙ ПОПУГАЙ

ила когда-то в лесу стая попугаев.

Каждый день поутру летали они на соседнее поле клевать кукурузу, а на обед ели апельсины. Они обычно очень шумели и кричали, а один из них всегда взлетал на самое высокое дерево и следил как часовой, не идет ли кто.

Попугай хуже саранчи, потому что, выклевывая зерна, они обдирают молодые початки, которые потом сгниют, как только начнутся дожди. А кроме того, у попугаев очень вкусное мясо, поэтому пеоны часто охотятся на них.

Как-то раз один пеон метким выстрелом подбил попугая-часового, который упал на землю и, хотя и был ранен, долго отбивался, не давая себя схватить. Пеон отнес птицу домой и отдал детям своего хозяина, а дети вылечили попугая, у которого только было сломано крыло. Попугай поправился и стал совсем ручным. Его назвали Педрито. Он научился давать лапку и очень любил садиться на плечи к людям и клювом слегка щекотать их за ухом.

Жил он на свободе и почти целый день проводил в саду, среди апельсиновых деревьев и эвкалиптов. Кроме

того, он очень любил дразнить кур. Часов в пять, когда в доме обычно пили чай, попугай вместе со всеми спешил в столовую и, быстро работая клювом и лапками, взбирался на стол, где для него всегда был готов хлеб, моченый в молоке. А больше всего ему нравился чай с молоком.

Педрито так подружился с детьми и они так много с ним болтали, что попугай скоро научился говорить. Он кричал: «Добрый день, дур-рак! Хор-р-роша кар-р-ртошка! Дайте Педр-р-рито кар-р-ртошки!» Употреблял он также такие слова, которые нельзя повторить, потому что попугаи, как и дети, легко выучиваются сквернословить.

Когда шел дождь, Педрито распускал перышки и подолгу тихонько рассказывал что-то самому себе. А когда погода прояснялась, он начинал летать взад и вперед и кричать, как бешеный.

Был он, как видите, очень счастливый попугай и, кроме желанной свободы, о которой мечтают все птицы, имел, как все состоятельные люди, и свой собственный *five o'clock tea*¹.

Ну вот, посреди всего этого счастья, случилось как-то раз, что после пяти ненастных дней вдруг выглянуло солнце. Педрито полетел в сад с криком:

— Хор-р-роший вечер-р-р, Пед-р-рито. Хор-р-роша кар-р-ртошка. Здр-р-равствуй, Пед-р-рито! — и полетел далеко-далеко, пока не увидел где-то внизу, низко-низко реку Паранá, которая сверху казалась широкой белой лентой. А он все летел и летел, пока, наконец, не опустился на какое-то дерево отдохнуть.

И вдруг сквозь ветки он увидел внизу два зеленых огня, похожих на огромных светлячков.

«Что такое? — подумал попугай.— Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Что это такое? Добрый день, Пед-р-рито!..»

Он, как и другие попугаи, всегда болтал без толку, и понять его иногда было очень трудно.

А так как он был очень любопытный, то стал спускаться с ветки на ветку, пока не оказался совсем близко от земли. И тогда он увидел, что два зеленых огня были глазами тигра, который, притаившись под деревом, пристально смотрел на него.

Но Педрито был в таком хорошем настроении, что совсем не испугался.

¹ Вечерний чай (англ.).

— Добрый день, тигр,— сказал он.— Здр-р-равствуй, Пед-р-рито.

И тигр таким вот страшным и хриплым голосом, каким всегда говорят тигры, ответил: «Доб-рый де-ень!»

— Добрый день, тигр,— повторил попугай.— Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!.. Хор-р-роша кар-р-ртошка!..

И он без устали повторял: «Хороша картошка!» — потому что было уже четыре часа и ему очень захотелось есть. Он совсем забыл, что дикие звери не пьют чай с молоком, и пригласил тигра на чашку чая.

— Хороший чай, хорошо молочко! — сказал он.— Добрый день, Педр-р-рито, добрый день, тигр!.. Хочешь чашку чая? Хор-р-роший чай, хор-р-рошо молочко!

Но тигр страшно рассердился, думая, что попугай смеется над ним, а так как он к тому же был голоден, то и решил съесть болтливую птицу. Поэтому он ответил:

— Хорошо! Под-ле-ти-ка ближе, друг, я на у-хо туг!

Тигр не был туг на ухо, просто он хотел заманить попугая поближе, чтоб удобнее было его схватить. А попугай думал только о том, как обрадуются все в доме, когда он явится пить чай с молоком в обществе такого блестательного друга. И он пересел на другую ветку, поближе к тигру.

— Хор-р-роша кар-р-ртошка! — повторил он как мог громче.

— Подойди-ка ближе! Ну-ка! — ответил тигр своим хриплым голосом.

Попугай подлетел поближе и сказал:

— Хор-р-роший чай, хор-р-рошо молочко!

— Подлети-ка ближе! — повторил тигр.

Бедный попугай подлетел совсем близко, и в этот момент тигр прыгнул так высоко, что целый дом мог бы перепрыгнуть, и схватил Педрито своими острыми когтями. Ему не удалось убить попугая, но он выдрал у него все перья на спине и оторвал хвост. Ни одного перышка не осталось в хвосте у Педрито.

— Получай свой чай! — прорычал тигр.— Получай свой чай с молочком!..

Попугай, крича от боли и страха, поспешно улетел. Но летел он с трудом, потому что у него не было хвоста, который служит птицам вместо руля. Он летел, накреняясь в воздухе то в одну сторону, то в другую, и встречные птицы испуганно шарахались от такого странного существа.

Наконец, он долетел до дома и первым делом поспешил на кухню, чтобы посмотреться в кухаркино зеркало.

Бедный Педрито! Он стал самой несуразной и самой уродливой птицей, которую только можно себе представить: плешивый, бесхвостый и дрожащий от холода. Как явится он теперь в столовую в таком виде?.. И он полетел в сад и нашел в одном из эвкалиптов дупло, такое глубокое, как настоящая пещера. И он забился в дупло, весь дрожа от холода и от стыда.

А между тем все удивлялись, куда девался попугай.

— Где это наш Педрито? — говорили все. И звали: — Педрито!.. Хороша картошка, Педрито! Хороший чай!

Но Педрито все сидел в своей пещере, немой, неподвижный, и не отзывался. Его разыскивали повсюду, но никак не могли найти. Тогда все решили, что Педрито умер, и дети горько заплакали.

Каждый вечер за чаем все вспоминали о попугае, вспоминали и о том, как он любил размоченный в молоке хлеб. Бедный Педрито! Никогда больше они не увидят его, он, верно, умер...

Но Педрито не умер, а продолжал сидеть в своем дупле, не показываясь никому на глаза, потому что ему было очень стыдно, что он голый, словно крыса какая. По ночам он вылезал чего-нибудь поесть и быстро прятался обратно. А на рассвете еще раз тихонечко спускался с дерева и шел смотреться в кухаркино зеркало, и был он все такой же грустный, так как перья отрастали очень медленно.

Но вот, наконец, однажды, когда вся семья сидела за вечерним чаем, в комнату вдруг вошел Педрито, с невозмутимым видом, вразвалочку, как будто бы ничего и не случилось. Все прямо с ума посходили от радости, видя его целям и невредимым, да еще с такими роскошными перьями.

— Педрито, дурачок Педрито! — говорили ему. — Что с тобой случилось, Педрито? Ах, какие у него перышки!

Но никто и не знал, что это были новые перышки, а Педрито, очень важный, не сказал об этом ни слова. Он только ел размоченный в молоке хлеб и молчал. А о своих приключениях — ни гугу...

Поэтому хозяин дома очень удивился, когда на следующее утро попугай вдруг прилетел и, быстро-быстро произнося слова, уселся к нему на плечо. В две минуты он рассказал все, что с ним произошло: свою прогулку в

Парагвай, свою встречу с тигром и все остальное, и после каждого рассказа кричал:

— У Педр-р-рито нет ни пер-р-рышка! Нет ни пер-р-рышка! Ни пер-р-рышка!

И он предложил хозяину пойти охотиться на тигра.

Хозяин дома как раз в то время хотел купить шкуру тигра, чтобы положить перед камином, и очень обрадовался, узнав, что ее можно получить даром. Он пошел в дом, взял ружье и вместе с Педрито отправился в Парагвай. Они решили: как только Педрито увидит тигра, он заговорит с ним и будет отвлекать его своей болтовней, пока охотник не подойдет на нужное расстояние.

Так и случилось. Попугай, сидя на ветке, болтал себе и болтал, а сам озирался по сторонам, не идет ли тигр. Наконец, он услышал треск ломающихся веток и внезапно увидел под собой два устремленных на него зеленых огня. Это были глаза тигра.

Тогда попугай начал кричать:

— Хор-р-роший вечер!.. Хор-р-роша кар-ртошка... Хор-р-роший чай, хорошо молочко... Хочешь чашку чаю?..

Тигр очень обозлился, узнав плешилого попугая, которого считал погибшим и у которого были новые, такие красивые перья; он поклялся, что на этот раз попугай от него живым не уйдет, и в глазах его загорелись злые огни, когда он хрипло прорычал:

— Под-ле-ти-ка бли-же! Ну-ка!

Попугай перелетел на другую ветку поближе, продолжая без умолку болтать:

— Хороший хлеб, хорошо молочко!.. он под этим деревом!..

Услышав последние слова попугая, тигр взревел и одним прыжком поднялся с земли.

— С кем это ты говоришь? — прорычал он.— Кому это ты сказал, что я здесь, под этим деревом?

— Никому, никому! — ответил попугай.— Добрый день, Педрито... Здравствуй дур-рачок!..

И он продолжал болтать и прыгать с ветки на ветку, все более приближаясь к тигру. Однако слова «он под этим деревом» попугай сказал, чтобы предупредить охотника, который приближался крадучись, издали целясь в зверя.

И вот настал такой момент, когда попугай уже не мог

подойти ближе, а то бы он обязательно попал к тигру в лапы. И тогда он закричал:

— Хороша картошка!.. *Осторожнее!*

— Под-ле-ти еще бли-же! — проревел тигр, припав к земле и готовясь к прыжку.

— Хороший чай, хорошо молочко!.. *Берегись! Он сейчас прыгнет!*

И действительно, тигр прыгнул. Он прыгнул так высоко, что попугай избежал его когтей лишь потому, что стрелой взмыл в воздух. И в тот же самый миг охотник, стоявший за деревом, спустил курок, и девять дробин, каждая величиной с горошину, как молнии пронзили сердце тигра, который, издав такой страшный рев, что весь лес содрогнулся, упал мертвым.

А как был доволен наш попугай! Как громко он кричал от радости! Ведь ему удалось отомстить — и как еще! — этому гадкому тигру, который выдрал у него все перья.

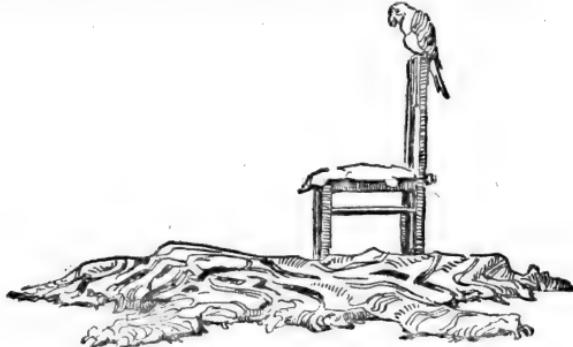
Охотник был тоже очень доволен, потому что убить тигра — дело нелегкое, а теперь у него была тигровая шкура, которую можно положить у камина в столовой.

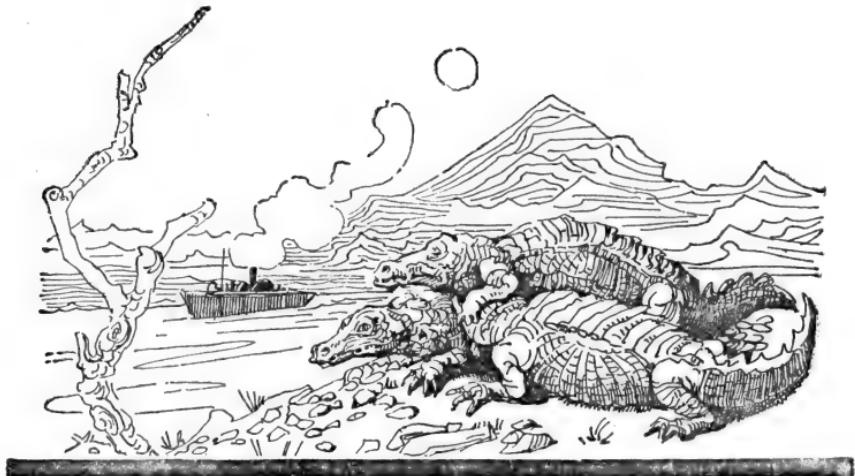
Когда они вернулись домой, все узнали, почему Педрито так долго скрывался в дупле, и стали хвалить его за храбрость и мужество.

И с тех пор все зажили очень счастливо. Но попугай не забыл о том, как поступил с ним тигр, и каждый вечер, являясь в столовую во время чаепития, он неизменно приближался к тигровой шкуре, разостланной у камина, и приглашал ее пить чай с молоком.

— Хор-р-роша кар-ртошка!.. — говорил он тигровой шкуре. — Хор-роший чай, хочешь чай?.. Дайте тигру кар-р-ртошки...

И все умирали от смеха. И Педрито тоже.

ВОЙНА КРОКОДИЛОВ

одной пустынной стране текла большая-большая река, а в той реке водилось много крокодилов. Было их там больше ста, а может, и больше тысячи. Они питались рыбой и поедали животных, которые приходили к реке на водопой, но больше всего они уничтожали рыбы. После обеда они отдыхали на песке прибрежья, а иногда, когда всходила полная луна, играли в зеленой воде.

Жили они все очень спокойно и счастливо. Но как-то раз под вечер, когда все отдыхали после сытного обеда, один крокодил вдруг проснулся и поднял голову, потому что ему показалось, что он слышит шум. Он прислушался. И правда: откуда-то издалека слышался глухой гудящий шум. Крокодил разбудил другого, спавшего рядом с ним.

— Проснись,— сказал он ему.— Мы в опасности.

— А что? — спросил другой, встревожившись.

— Не знаю,— ответил крокодил, который проснулся первым.— Я слышу какой-то незнакомый шум.

Второй крокодил в свою очередь услышал шум, и оба в одну минуту разбудили остальных. Все перепугались и стали бегать взад-вперед, подняв хвосты.

И волновались они не зря, потому что шум становился все громче и громче. Вскоре они увидели вдали что-то вроде облачка дыма и услышали странный звук — хлюп-хлюп, словно кто-то далеко-далеко шлепал по воде.

Крокодилы переглянулись. Что бы это могло быть?

Но один крокодил, старый и мудрый, самый старый и самый мудрый из всех, крокодил, у которого во рту осталось только два зуба и который в своей жизни совершил длинное путешествие, до самого моря, вдруг сказал:

— Я знаю, что это такое! Это — кит. Они очень большие и выбрасывают белый водяной столб из носа, а потом эта вода опять падает вниз.

Услышав это, маленькие крокодильчики страшно перетрусили и подняли дикий крик. Они ныряли и вопили:

— Это кит! Вон плывет кит!

Но старый крокодил дернул за хвост крокодильчика, находящегося к нему ближе других.

— Не бойтесь! — крикнул он.— Я знаю, что такое кит! Он сам нас боится! Он всегда всех боится!

Тогда маленькие крокодильчики успокоились. Но они тут же перепугались снова, потому что серый дым превратился в черный дым, и все услышали громкое хлюп-хлюп-хлюп по воде. Крокодилы в ужасе нырнули так, что на поверхности остались лишь глаза и кончик носа. Сидя в воде, они увидели, как мимо них проплыло что-то огромное, окутанное дымом и шлевающее по воде, а было это не что иное, как колесный пароход, который впервые плыл по этой реке.

Пароход приплыл, проплыл и уплыл. Тогда крокодилы стали выплывать на поверхность, ругая старика крокодила за то, что он их обманул, выдумав какого-то кита.

— Это не кит! — кричали они ему в самые уши, потому что старик был глуховат.— Что же это такое плыло?

Старый крокодил объяснил, что это был пароход, набитый огнем, и что все крокодилы умрут, если он еще будет здесь плавать.

Но крокодилы стали смеяться над ним, думая, что старик сошел с ума. Почему они умрут, если пароход будет здесь плавать? Нет, бедный старик положительно рехнулся.

И, так как всем хотелось есть, они принялись искать рыбу. Но ни одной рыбы они не нашли. Ни одной! Все

рыбы уплыли, испуганные шумом парохода. Не было больше рыб.

— Я ведь говорил! — сказал старый крокодил. — Нам теперь нечего есть. Все рыбы ушли. Подождем до завтра. Может быть, пароход больше не вернется, а рыбы вернутся, когда нечего будет бояться.

Но на следующий день они услышали снова шум на реке и увидели, как прошел пароход, страшно пыхтя и выпуская столько дыма, что все небо покернело.

— Так,— сказали тогда крокодилы,— пароход прошел вчера, прошел сегодня и пройдет завтра. Рыб здесь больше не будет, и звери не придут на водопой, а мы умрем с голода. Давайте построим плотину.

— Да! Плотину! Плотину! — закричали все, быстро плывя к берегу.— Давайте построим плотину!

И тут же начали строить плотину. Сначала все отправились в лес и свалили более десяти тысяч деревьев, а больше всего лапачо и кебрачо¹, потому что у них очень твердая древесина. Потом разрезали их своими хвостами, так как на хвостах у этих крокодилов растут маленькие пилки, и, столкнув в воду, вбили, как сваи, во всю ширину реки, на расстоянии метра друг от друга. Ни один корабль не смог бы пройти через эту плотину, ни большой, ни маленький. Теперь крокодилы были уверены, что никто уже не осмелится распугивать рыбу. И, так как они очень устали от работы, то тут же на берегу и улеглись спать.

На следующее утро, когда они еще спали, снова послышалось хлюп-хлюп-хлюп и показался пароход. Все слышали звук, но никто не поднял головы и даже не приоткрыл глаз. Какое им было дело до парохода? Пускай шумит сколько хочет. Здесь ему все равно не пройти.

И в самом деле, пароход даже не подплыл к плотине, а остановился вдалеке. Люди с палубы долго разглядывали в бинокль странное сооружение, пересекавшее реку, и, наконец, спустили шлюпку, чтоб разведать, что же это такое? Тогда крокодилы поднялись, подошли к плотине и, просунув головы между сваями, стали весело смеяться, радуясь тому, как ловко они провели своего врага.

Шлюпка подплыла, люди, сидевшие в ней, увидели гигантскую плотину, построенную крокодилами, и шлюпка

¹ *Лапачо и кебрачо* (или *квебрахо*) — деревья, растущие в Южной Америке.

тотчас же вернулась обратно. Но вскоре шлюпка показалась снова и оттуда закричали:

— Эй, крокодилы!

— Что скажете? — ответили крокодилы, просовывая головы между сваями.

— Нам это мешает! — крикнули люди.

— Понятно!

— Мы не можем проехать!

— Прекрасно!

— Разберите плотину!

— Не станем.

Люди на шлюпке шепотом посовещались между собой и снова закричали:

— Крокодилы!

— Что скажете? — ответили те.

— Не разберете?

— Нет!

— Значит, скоро увидимся!

— А хоть бы и не скоро!

Шлюпка вернулась на пароход, тогда как крокодилы в бешеном восторге били хвостами по воде. Здесь не пройдет больше ни один пароход, и у них всегда-всегда будет рыба!

Но на следующий день снова показался пароход, и, когда крокодилы взглянули на него, они просто онемели от изумления: это был совсем не тот пароход. Это был огромный корабль, гораздо больше, чем вчера. Что же это за новый корабль? Он тоже хочет пройти здесь? Нет, он не пройдет, нет! Ни тот, ни этот и никакой другой!

— Нет, он здесь не пройдет! — закричали крокодилы, бросаясь к плотине и занимая каждый свое место.

Новый корабль так же, как и прежний, остановился вдали и так же, как и прежний, спустил шлюпку, которая подплыла к плотине.

В шлюпке находился офицер и восемь матросов. Офицер закричал:

— Эй, крокодилы!

— Что скажете? — ответили те.

— Не разберете?

— Нет!

— Нет?

— Нет!

— Ладно,— сказал офицер.— Тогда мы пустим в ход пушки и потопим плотину.

— Топите,— отвечали крокодилы.

И шлюпка возвратилась на корабль.

Знаете, этот корабль мышиного цвета был военный корабль, большой броненосец со страшными пушками. Старый, мудрый крокодил, тот самый, который когда-то совершил путешествие к морю, вдруг догадался, в чем дело, и крикнул товарищам:

— Ныряйте! Живо! Это — военный корабль! С ним шутки плохи! Ныряйте!

Крокодилы в один миг исчезли под водой и поплыли к берегу, где и притаились, так что над водой остались только глаза и кончик носа. В этот момент от военного корабля отделилось облако дыма, раздался ужасный треск — и огромный снаряд угодил в плотину, в самую середину.

Несколько бревен, разбившись на мелкие кусочки, взлетели в воздух. Тотчас же с корабля послали еще снаряд, и еще, и еще. И от каждого выстрела взлетала в воздух, превращаясь в щепки, часть плотины, и так продолжалось, пока от плотины не осталось и следа! Ни одного бревна, ни одной щепки, ни одного кусочка коры!

Все было уничтожено пушками броненосца. А крокодилы, спрятавшись в воду, так что над водой остались лишь глаза и кончик носа, увидели, как военный корабль, громко пыхтя, прошел мимо них и скрылся.

Тогда они вылезли на берег и сказали:

— Давайте сделаем другую плотину, еще больше, чем была.

И в этот самый вечер и в эту же самую ночь они построили другую плотину из огромных стволов. Потом, очень усталые, легли спать... На следующее утро они долго спали и не заметили, как подошел к плотине военный корабль и спустил шлюпку.

— Эй, крокодилы! — закричал офицер.

— Что скажете? — ответили крокодилы.

— Разберите эту плотину!

— Не станем!

— Мы пустим в ход пушки и тоже ее разобьем!

— Разбейте... коли сумеете!

Крокодилы говорили гордо, потому что были уверены,

что эту новую плотину не разрушить никаким пушкам в мире.

Через некоторое время корабль снова окутался дымом, и тут же со страшным грохотом обрушилась центральная часть плотины; дело в том, что на этот раз в плотину летели уже не снаряды, а гранаты. Граната ударила о стволы, взорвалась, раскрошила, превратила в щепки огромные бревна. Вторая граната разорвалась рядом с первой, и еще часть плотины взлетела в воздух. И так разрушали плотину, пока от нее ничего не осталось, ничего-ничего. И тогда военный корабль проплыл мимо крокодилов, и люди на нем прикрывали рот рукою, насмехаясь над ними.

— Ну вот,— сказали тогда крокодилы, вылезая из воды,— теперь мы все умрем, потому что корабль теперь уже будет все время здесь плавать и рыбы сюда никогда не вернутся.

И все расстроились, потому что маленькие крокодильчики плакали и просили есть.

И тогда старый крокодил сказал:

— Не надо терять надежды. Пойдемте к сому. Мы с ним вместе совершили когда-то путешествие к морю, и у него есть торпеда. Как-то раз, когда два военных корабля затеяли бой, он был поблизости и пригнал сюда торпеду, которая не разорвалась. Надо попросить ее у сома; хотя он на нас, крокодилов, очень обижен, но у него доброе сердце и он не захочет, чтобы все мы погибли.

Дело в том, что когда-то, много-много лет тому назад, крокодилы съели племянника этого сома, и с тех пор старик порвал всякие отношения с крокодилами. Но теперь, несмотря ни на что, они отправились к сому, который жил в огромном подводном гроте у берега реки Параны и спал возле своей торпеды. Сомы иногда бывают до двух метров длины, и именно таким был хозяин торпеды.

— Эй, сом! — крикнули все крокодилы, собравшись у грота и не отваживаясь войти из-за этой истории с племянничком.

— Кто меня зовет? — спросил сом.

— Это мы, крокодилы!

— Я не имею и не хочу иметь с вами никаких отношений,— ответил сом очень сердито.

Тогда старый крокодил просунул голову в пещеру и сказал:

— Это я, сом! Я твой друг, крокодил, который вместе с тобой путешествовал тогда к морю!

Услышав знакомый голос, сом выплыл из пещеры.

— Ах, я тебя не узнал,— сказал он ласково своему старому другу.— Чего ты хочешь?

— Мы пришли просить у тебя торпеду. У нас там военный корабль плавает по нашей реке и пугает рыб. Военный корабль, понимаешь, броненосец. Мы сделали плотину, а он от нее не оставил и половину. Мы сделали другую, он и от нее опять ничего не оставил. Рыбы ушли, и мы умрем с голоду. Дай нам торпеду, и мы от этого корабля тоже ничего не оставим.

Сом, услышав это, призадумался. А потом сказал:

— Ладно, я вам одолжу торпеду, хотя я прекрасно помню, как вы поступили с сыном моего брата. Кто умеет взрывать торпеду?

Никто не умел, и все молчали.

— Хорошо,— произнес сом с гордостью.— Я взорву ее сам. Я знаю, как это делается.

И все стали готовиться к путешествию. Крокодилы стали привязывать себя один к другому: хвост первого — к шее второго, хвост второго — к шее третьего, образовав таким образом длинную цепь протяженностью почти в целую милю. Огромный сом пустил торпеду по течению, а сам нырнул, поддерживая ее снизу спиной, чтоб ей легче было плыть. И так как лианы, которыми были обвязаны крокодилы, кончились, то он уцепился зубами за хвост последнего крокодила, и они пустились в путь. Сом поддерживал торпеду, а крокодилы бежали по берегу и тянули ее за собой. Вверх, вниз, через камни, и все бегом, увлекая за собой торпеду, которая, быстро рассекая воду, поднимала волны — что твой корабль!

На следующий день рано утром они добежали до места, где построили свою последнюю плотину, и тотчас же начали строить другую, еще более крепкую, чем раньше, так как по совету сома установили стволы совсем близко друг от друга. Это была действительно великолепная плотина!

Не прошло и часа с тех пор, как они уложили последнее бревно, а военный корабль уже снова появился, и шлюпка с офицером и матросами опять приблизилась к плотине. Тогда крокодилы вскарабкались по стволам наверх и высунули головы из-за плотины.

- Эй, крокодилы! — закричал офицер.
- Что скажете? — ответили крокодилы.
- Опять плотина?
- Да, опять!
- Разберите ее!
- Ни за что!
- Не разберете?
- Нет!

— Ладно, тогда слушайте, — сказал офицер. — Мы сейчас уничтожим вашу плотину, а чтобы впредь вы не вздумали строить другую, наши пушки уничтожат и вас самих. И никого не останется в живых, ни больших, ни маленьких, ни толстых, ни тощих, ни молодых, ни старых, как тот старый-престарый крокодил, которого я вижу вон там и у которого во рту торчат всего два зуба.

Старый, мудрый крокодил, поняв, что офицер говорит о нем и насмехается над ним, сказал:

— Это правда, зубов у меня осталось мало и многие из них сломаны. Но знаете ли вы, кого я завтра съем этими зубами? — прибавил он, открывая свою огромную пасть.

— Кого же ты съешь? Ну-ка? — спросили матросы.

— Этого офицеришку! — ответил крокодил и быстро спрыгнул со своего бревна в воду.

Между тем сом установил торпеду как раз посередине плотины, приказав четырем крокодилам осторожно взять ее и держать под водой, пока он не даст сигнала. Так и сделали. Сразу же остальные крокодилы спрятались в воду недалеко от берега, так что над водой остались только глаза и кончик носа. А сом погрузился в воду рядом со своей торпедой.

И вот военный корабль окутался дымом и дал первый залп по плотине. Граната разорвалась в самом центре плотины, и с полдюжины бревен разлетелось на тысячи кусков.

Но сом не дремал, и как только в плотине образовалась брешь, он закричал крокодилам, державшим под водой торпеду:

— Отпускайте ее, живо, отпускайте!

Крокодилы отпустили, и торпеда всплыла на поверхность.

Скорее, чем сказка сказывается, старый сом поместил торпеду в самой середине пробитой бреши, прицелился

одним только глазом и, включив механизм торпеды, пустил ее прямо на корабль.

И правда, мешкать было нельзя. В этот момент с броненосца снова прозвучал залп, и снаряд разорвался среди бревен, разнося в щепки еще часть плотины.

Но торпеда уже неслась к кораблю, и люди с палубы заметили ее, вернее увидели дорожку, которую она оставляла за собой на воде. Все громко закричали от страха и хотели повернуть броненосец так, чтобы торпеда не попала в него.

Но было уже поздно: торпеда подлетела, ударила в самую середину огромного корабля и взорвалась.

Невозможно описать страшный грохот, с которым разорвалась торпеда. Она взорвалась и разнесла корабль на пятнадцать тысяч кусков; полетели в воздух на сотни миль вокруг трубы, машины, пушки, шлюпки...

Крокодилы испустили победный клич и, как бешеные, бросились к плотине. Оттуда они увидели, как через пробитую снарядами брешь по реке, уносимые течением, плыли мертвцы, раненые и те немногие, кто остался невредим.

Крокодилы сгрудились на оставшихся целыми бревнах по бокам плотины и, когда люди проплывали мимо, прикрывали рот лапой, насмехаясь над ними. Они не хотели есть никого из людей, хотя считали, что люди этого заслуживают. Но когда мимо плыл человек с золотыми галунами на мундире, старый крокодил одним прыжком бросился в воду и... «крак!» — щелкнул два раза пастью — и проглотил его.

— Кто был этот дядя? — спросил какой-то наивный крокодильчик.

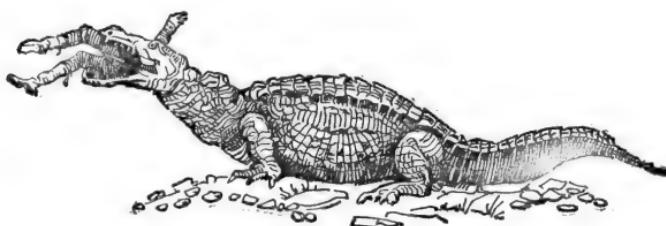
— Офицер, — ответил сом. — Мой старый друг обещал ему, что съест его, и съел.

Крокодилы разобрали остатки плотины, которая теперь уже никому не была нужна, потому что кто же сюда пойдет? Сом, которому очень уж приглянулся пояс и галуны офицера, попросил, чтоб их отдали ему, и пришлось вытаскивать их из пасти старого крокодила, потому что они застряли у старика в зубах. Сом продел пояс под плавники и застегнул его у себя на животе, потом он завязал на концах своих длинных усов золотые шнурки, которыми раньше была украшена офицерская шпага. А так как кожа у сома очень красивая, с темными пят-

нами, как у змеи, то он и принял плавать взад-вперед перед крокодилами, которые смотрели на него, от восхищения открыв пасти.

Затем крокодилы проводили его до грота и без конца благодарили. А потом вернулись домой. Вскоре вернулись и рыбы. И крокодилы зажили очень счастливо и сейчас еще живут счастливо, потому что они в конце концов привыкли к пароходам и кораблям, которые возят по реке апельсины.

Но они и знать ничего не хотят о военных кораблях.

СЛЕПАЯ ЛАНЬ

ЖК

ила-была когда-то олениха, или, вернее, лань, у которой родилось двое близнецовых, что у ланей случается редко. Одного съела дикая кошка, и в живых осталась только маленькая дочка. Все лани сильно полюбили ее, и им очень нравилось щекотать ей бока.

Мать заставляла ее каждое утро, на рассвете, повторять олены заповеди. В них говорилось:

Надо хорошенко обнюхать листья, прежде чем их есть, потому что некоторые из них ядовиты.

Надо как следует осмотреть реку и некоторое время постоять неподвижно, прежде чем спуститься на водопой, чтобы быть уверенной, что здесь нет крокодилов.

Каждые полчаса надо высоко поднимать голову и нюхать ветер, чтобы почуять запах тигра.

Когда ешь траву на лугу, надо все время осматривать ее, чтоб узнать, нет ли поблизости змей.

Эти заповеди — «Отче наш» всех маленьких оленей. И когда маленькая лань выучила их, мать стала пускать ее гулять одну.

И вот как-то под вечер, когда маленькая лань бродила по лесу, поедая нежные листочки, она вдруг увидела перед собой в дупле сгнившего дерева множество каких-то странных, висевших гроздьями шариков. Они были черные, как грифельная доска.

Что бы это могло быть? Лань немножко испугалась, но, так как была большая озорница, боднула странные гроздья и стремглав бросилась бежать.

Обернувшись, она увидела, что шарики лопнули и из них что-то закапало. А еще выползло множество мушек золотистого цвета, с тоненькой талией, которые торопливо и озабоченно забегали туда-сюда.

Лань подошла поближе, и мушки не тронули ее. Тогда осторожно, очень осторожно, она попробовала одну из капелек кончиком языка и с удовольствием облизнулась: капельки оказались медом и притом очень вкусным, потому что шарики темного цвета были не что иное, как соты, принадлежавшие маленьким пчелкам, которые не кусали, потому что у них не было жала. Есть такие пчелы.

В две минуты лань съела весь мед и, не помня себя от радости, побежала рассказать обо всем матери. Но мать строго отчитала ее.

— Будь как можно осторожней, дочка,— сказала она.— Мед — очень вкусная вещь, но доставать его из сот очень опасно. Никогда не суйся в пчелиные гнезда.

Но маленькая лань радостно кричала:

— Да ведь они не кусаются, мама! Кусаются только оводы и осы, а пчелы — нет.

— Ты ошибаешься, дочь моя,— возразила мать.— Сегодня тебе просто повезло. Есть очень нехорошие пчелы и осы. Будь осторожней, дочка, ты можешь причинить мне большое горе.

— Хорошо, мама, хорошо! — ответила маленькая лань.

Но на следующий день она с самого утра побежала на просеку, которую вырубили люди в лесной чаще, думая, что там легче найти пчелиные гнезда.

Наконец, она нашла одно гнездо. На этот раз пчелы в гнезде были темного цвета, с желтой полоской на спинке. Они озабоченно сновали поверх гнезда. Само

гнездо тоже было другим. Но маленькая лань подумала: «Раз пчелы побольше, то и мед, наверное, повкуснее».

Вспомнила она и о маминых советах, но решила, что ее мама преувеличивает, потому что олены мамы всегда все преувеличивают. И она с силой боднула гнездо.

Ох, лучше бы она не делала этого! Тотчас же тысячи ос выскочили из гнезда, облепили ее и стали кусать ей морду, лапы, все тело. Их жала вонзались в голову, в живот, в хвост — повсюду, повсюду... Но хуже всего было то, что осы жалили ей глаза. Более десяти ос ужалило ее в глаза.

Лань, обезумев от боли, с громким криком бросилась бежать, и все бежала и бежала до тех пор, пока не остановилась, ничего вокруг не видя: она ослепла, совсем, совсем ослепла.

Веки ее страшно распухли, глаза резало острой болью, она ничего не видела. Дрожа от страха и боли, она стояла неподвижно и могла только безутешно всхлипывать:

— Мама!.. Мама!..

Мать, которая уже отправилась на поиски своей дочки, потому что та очень задержалась, наконец отыскала ее и пришла в отчаяние, увидев, что ее малютка ослепла. Она осторожно повела ее домой, и, пока они шли, голова маленькой лани лежала на шее матери, а все звери, попадавшиеся им по дороге, подходили и с грустью смотрели в слепые глаза маленькой лани.

Мать не знала, что делать. Как вылечить дочь? Но она слышала, что в деревне за лесом живет человек, у которого много лекарств. Этот человек был охотник и иногда подстреливал и ланей, но вообще он был очень добрый.

Мать сначала боялась вести дочь к человеку, который охотится на ланей. Но отчаяние заставило ее решиться. Правда, прежде чем отправиться к охотнику, она задумала попросить рекомендательное письмо у муравьеда, который слыл большим другом человека.

И вскоре, оставив маленькую лань в надежном месте, она уже бежала через лес, чудом не попав в лапы тигру. Добежав до жилища своего приятеля, она от усталости не могла больше ни шагу сделать.

Этим приятелем, как уже говорилось, был муравьед, но не обычный муравьед, а муравьед особой породы, маленький. На нем была желтая шубка, а поверх желтой

шубки — черная жилетка с двумя лямками на плечах. Хвост у таких муравьедов очень цепкий, потому что живут они на деревьях и любят висеть на ветках, уцепившись за них хвостом.

Как возникла тесная дружба между муравьедом и охотником? Никто в лесу этого не знал, но когда-нибудь мы услышим об этом.

Итак, бедная мать подбежала к жилищу муравьеда.

Тук, тук, тук,— постучала она, задыхаясь от быстрого бега.

— Кто там? — спросил муравьед.

— Это я, лань!

— Ах, вот как! Чего ты хочешь, лань?

— Я пришла просить у вас рекомендательное письмо к охотнику. Моя дочь, маленькая лань, совсем ослепла.

— Ах, маленькая лань? — отозвался муравьед.— Она хорошее существо. Если это для нее, то ладно, я дам вам, что вы просите. Писать ничего не нужно... Покажите ему вот это, и он вас примет.

И концом своего хвоста муравьед протянул лани сухую змеиную голову, совсем сухую, но с сохранившимися ядовитыми зубами.

— Покажите ему вот это,— повторил охотник за муравьями.— Больше ничего не требуется.

— Спасибо, дорогой муравьед! — сказала лань, очень довольная.— Вы тоже хорошее существо.

И она поспешило убежала, потому что была уже поздняя ночь и приближалось раннее утро.

Она забежала в свою пещеру, захватила с собой дочь, которая не переставала тихонько стонать, и они вместе добрались до деревни, где им пришлось идти очень медленно, прижимаясь к стенам домов, чтобы собаки не почуяли их.

И вот они уже у двери охотничьего дома.

Тук-тук-тук! — постучали они.

— Кто там? — раздался из-за двери человеческий голос.

— Это мы, лани!.. Мы принесли змеиную голову.

Мать покоропилась сообщить об этом охотнику, чтобы он знал, что они — приятельницы муравьеда.

— Ах, так,— сказал человек, открывая дверь.— Что случилось?

— Мы пришли к вам, чтобы вы помогли моей дочери, маленькой лани,— она ослепла.

И мать рассказала охотнику всю историю с пчелами.

— Гм!.. Ну, посмотрим, что за болезнь у этой сеньориты,— сказал охотник.

И, вернувшись в дом, вынес оттуда высокий стульчик и посадил на него маленькую лань так, чтобы он мог, не очень накибаясь, видеть ее глаза. Он долго рассматривал их через большое круглое стекло, а бедная мама светила ему фонарем.

— Ничего страшного нет,— сказал, наконец, охотник, помогая маленькой лани слезть со стула.— Но надо застаситься терпением. Каждый вечер прикладывайте ей к глазам эту мазь и двадцать дней держите ее в темноте. А потом наденьте ей эти желтые очки, и она вылечится.

— Большое вам спасибо, охотник! — радостно сказала благодарная лань.— Как я вам обязана!

— Пустяки,— ответил, улыбаясь, охотник.— Только остерегайтесь собак: в соседнем квартале живет человек, собаки которого специально обучены травить оленей.

Лани очень испугались. На обратном пути они шли осторожно, едва касаясь земли и останавливаясь на каждом шагу. Но, несмотря на все это, собаки почуяли их и гнали добрую милю по лесу. Мать и дочь бежали по широкой-широкой просеке, и маленькая лань бежала впереди и громко блеяла.

Лечение шло, как велел охотник. Но только одна старая лань знала, каких усилий ей стоило удержать свою маленькую дочку в дупле целых двадцать бесконечных дней. В дупле было темным-темно. Но вот, наконец, однажды утром мать раздвинула рогами большую кучу веток, которыми закрыла вход в дупло, чтоб туда не проникал дневной свет, и маленькая лань, в своих желтых очках, выскоцила наружу, громко крича:

— Я вижу, мама! Я все вижу!..

А лань, прислонившись головой к какой-то ветке, плакала от радости, видя свою доченьку опять здоровой.

Маленькая лань совсем вылечилась. Но, бодрая, здоровая и довольная, она была все-таки грустна: одна тайная мысль не давала ей покоя. А мысль была вот какая: ей во что бы то ни стало хотелось отблагодарить человека, который был так добр к ней, а как это сделать, она не знала.

Но, наконец, она придумала кое-что. Она долго бродила по берегу, по болотам и заводям и набрала перьев серой цапли, чтобы отнести их охотнику. А охотник, в свою очередь, тоже иногда вспоминал про маленькую слепую лань, которую он когда-то лечил.

И вот как-то раз дождливым вечером охотник читал в своей комнате и был в очень хорошем настроении, так как только что починил свою соломенную крышу, которая больше не протекала. Вдруг он услышал стук и, открыв дверь, увидел маленькую лань, которая держала в зубах пучок мокрых от дождя перьев серой цапли.

Охотник стал смеяться, а маленькая лань ушла грустная и пристыженная, подумав, что охотник смеется над ее жалким подарком. Потом она набрала больших перьев, совсем сухих и чистых, и через неделю опять пришла к охотнику. И на этот раз охотник, который тогда засмеялся от нежности, уже не смеялся, боясь обидеть маленькую лань, не понявшую причины его смеха. Зато он подарил ей туесок из такуары¹, доверху наполненный медом, и лань съела его с безумным удовольствием.

С тех пор охотник и маленькая лань стали большими друзьями. Она все время старалась приносить ему перья серой цапли, которые стоят много денег, и часами просиживала в хижине, болтая с человеком. Он же всегда ставил ей на стол муравленую плошку с медом и пододвигал для своей приятельницы высокий стульчик. Иногда он давал ей и сигары, которые лани едят с большим удовольствием и безо всякого вреда для здоровья. Так проводили они время, глядя на веселый огонь очага, в то время как за окном дождь и ветер стучали в соломенную крышу ранчо.

Боясь собак, маленькая лань приходила к охотнику только в темные, ненастные вечера. И, когда спускались сумерки и начинал накрапывать дождь, охотник ставил

---

¹ Такуара — разновидность южноамериканского тростника.

на стол кувшин с медом и клал возле него салфетку, а сам пил кофе и читал, поглядывая на дверь, в ожидании, когда раздастся так хорошо знакомое «тук-тук» и на пороге появится его маленькая приятельница лань.

СКАЗКА ПРО ДВУХ БАРСУЧАТ И ПРО ДВУХ РЕБЯТ

ила-была барсучиха с тремя маленькими барсучатами. Все они жили в густом лесу и питались плодами, корешками и птичьими яичками. А когда, сидя на дереве, они вдруг слышали шум, то бросались вниз головой на землю и спасались бегством, подняв кверху хвостики.

Когда барсучата немного подросли, мать как-то раз собрала их на апельсинном дереве и сказала им так:

— Барсучатки, вы уже достаточно большие, чтобы добывать себе пищу. Вы должны научиться этому сейчас, потому что когда вы станете старыми барсуками, вы будете бродить поодиночке, как все барсуки.

Старший из вас, большой любитель ловить жуков, сможет найти их среди гнилых веток, где водится много жучков и букашек.

Средний, большой лакомка по части фруктов, найдет их вон в той апельсинной рощице,— до декабря месяца там будут апельсины.

Младший, который не ест ничего, кроме птичьих яичек,

может идти куда угодно, потому что где угодно есть птичий гнезда. Только пусть никогда не ходит искать птичьих яичек в поле,— там опасно!

Барсучатки, есть одна вещь на свете, которой вы должны очень бояться. Это — собаки. Я однажды дралась с ними и знаю, что говорю. С тех пор у меня вот этот зуб сломан. Вслед за собаками всегда приходят люди и несут с собой большой шум, который убивает. Как только вы услышите где-нибудь поблизости этот шум, бросайтесь вниз головой с дерева, какое бы высокое оно ни было. Если вы этого не сделаете, вас наверняка убьют.

Так говорила мать-барсучиха. А потом все семейство спустилось с дерева и разошлось в разные стороны, тыкаясь то вправо, то влево, словно разыскивая что-то на земле,— так ходят все барсуки.

Старший барсучонок, который любил ловить жучков, поискал их среди гнилых веток и опавших листьев и нашел столько, что ел, пока не заснул.

Средний, который предпочитал фрукты любому другому кушанью, вдоволь наелся апельсинов, потому что в Парагвае и Мисьонес апельсинные рощи находятся далеко-далеко, в лесных чащах, и люди не заходят туда.

Младший, который обожал птичий яички, бродил целый день и нашел всего лишь два гнездышка: одно — птички тукана (в нем было три яичка), а другое — дикого голубя (в нем было только два). Всего он нашел пять маленьких яичек. Разве этим наешься? Поэтому, когда наступил вечер, барсучонок был так же голоден, как и рано утром. Он печально уселся на опушке леса, откуда было видно поле, и вспомнил предостережения матери.

«Почему мама не хотела, чтобы я искал птичий гнезда в поле?» — подумал барсучонок.

Так размышлял он, как вдруг услышал где-то не очень далеко пение какой-то птицы. «Как громко поет! — подумал он с восхищением. — Наверно, в гнезде у этой птицы — большие яички». Птица снова запела, и тогда барсучонок бросился бежать со всех ног через лес, все направо и направо, потому что пение раздавалось откуда-то сбоку, совсем близко.

Солнце уже садилось, но барсучонок все бежал, подняв хвост трубой. Он достиг опушки леса и посмотрел в поле. Вдалеке он различил жилище людей и человека в

высоких сапогах, который вел за веревку лошадь. А еще он увидел птицу, очень большую птицу, ту, что пела. И тут барсучонок ударил себя лапкой по лбу и промолвил:

— Ну и глупый же я! Теперь-то я знаю, что это за птица. Это петух. Мама мне как-то показывала его с вершины дерева. У петухов прекрасный голос и много кур, которые несут яички. Эх, если бы я только мог попробовать куриные яички!..

Всем известно, что ничто так не нравится лесным зверушкам, как куриные яйца. На одну минуту вспомнил барсучонок о предостережениях мамы, но только на одну минуту. Желание полакомиться куриными яйцами пересилило все, и барсучонок уселся на опушке леса ждать, когда совсем стемнеет, чтобы отправиться в курятник.

Ночь наступила, наконец, и барсучонок тихонько, на цыпочках пошел по направлению к дому людей. Он подошел и внимательно прислушался: было совсем тихо, ни малейшего шороха. Барсучонок вне себя от радости, готовясь съесть сто, тысячу, две тысячи яичек, вошел в курятник и первое, что он увидел, было куриное яйцо — большое, великолепное куриное яйцо, которое лежало на земле. Барсучонок подумал сначала оставить его «на потом», на сладкое — уж очень большое было это яйцо, но тут у него потекли слюнки, и он вонзил в яйцо свои острые зубы. Но едва барсучонок успел надкусить скорлупу, как — трах! — страшный удар по носу — и ужасная боль во всей мордочке.

— Мама, мама! — закричал он, обезумев от боли, прыгая во все стороны. Но его держали крепко. И тут он услышал хриплый лай собаки...

Пока барсучонок ожидал на опушке леса наступления ночи, чтобы отправиться в курятник, человек, который жил в домике, играл на гумне со своими детьми, двумя светловолосыми малышами пяти и шести лет, которые, смеясь, бегали взапуски, падали, снова, смеясь, поднимались и снова падали. Отец тоже падал, и малыши были в восторге. Но вот они, наконец, прекратили игру, так как было уже поздно, и отец сказал своим детям:

— Я пойду поставлю капкан, чтобы в него попалась ласка, которая приходит таскать цыплят и куриные яйца.

Он пошел и поставил капкан. Потом все поужинали и легли спать. Но ребятам не спалось, они скакали по кроватям, спотыкаясь и путаясь в своих длинных рубашках. Отец читал в столовой газету и делал вид, что не слышит их возни. Но вот вдруг ребята перестали скакать и закричали:

— Папа! Ласка попалась в капкан! Слышишь, как лает наш Туке? Папа, мы тоже хотим пойти посмотреть на нее.

Отец согласился взять их с собой, но с условием, что ребята наденут сандалии,— он никогда не разрешал ребятам ходить ночью босиком, так как боялся, что их укусят змеи.

Все пошли вместе. И что ж они увидели? Они увидели, как отец одной рукой хватает за шею собаку, а другой поднимает за хвост барсука, совсем маленького барсучонка, который пронзительно визжит, вернее трещит, как сверчок.

— Папа, не убивай его! — закричали ребятишки.— Он еще совсем малюсенький. Отдай его нам.

— Хорошо, я отдаю его вам,— согласился отец.— Но только ухаживайте за ним хорошенько, и главное — не забывайте, что барсуки пьют воду, так же как и вы.

Отец сказал это потому, что однажды он принес ребятам детеныша дикой кошки, и они все время кормили его мясом, которое таскали на кухне, а воды ему дать забывали, так что в конце концов он подох. Итак, дети посадили нашего барсучонка в ту самую клетку рядом с курятником, в которой жила когда-то маленькая дикая кошка, и снова пошли спать.

Далеко за полночь, когда кругом стояла полная тишина, бедный барсучонок, которого сильно поранило защелкой капкана, увидел при свете луны три тени, осторожно крадущиеся к его клетке. Сердце барсучонка запрыгало, когда он узнал свою мать и двух братишек, разыскивающих его.

— Мама, мама! — запищал пленник тихим голоском, стараясь не производить шума.— Я здесь, вытащите меня отсюда! Я не хочу оставаться здесь. Ма-ма...— И он безутешно заплакал.

Но, несмотря ни на что, барсучья семья очень радовалась, потому что все были вместе и могли ласково тыкаться друг в друга мордочками. Барсуки тут же решили приняться за освобождение пленника. Сначала они по-

пробовали прокусить металлическую сетку, и все вчетвером долго и усердно работали зубами, но из этого ничего не вышло. Тогда барсучихе пришла в голову счастливая мысль! И она сказала:

— Пойдемте искать инструменты, которые есть у людей. Этими инструментами люди разрезают железо. Они называют их напильниками. У этих напильников три бока, как у гремучей змеи. Если хочешь ими что-нибудь разрезать, то надо водить взад-вперед. Пойдемте поищем!

Барсуки побежали в мастерскую человека и скоро вернулись с напильником. Считая, что одному не под силу поднять такую тяжесть, трое барсуков ухватились за напильник и принялись за работу. Они пилили так усердно, что вся клетка дрожала, стонала и скрипела. Шум был такой, что проснулась собака и начала глухо лаять. Но барсуки не стали ждать, пока собака попросит у них ответа за столь скандальное поведение, и во всю прыть бросились к лесу, забыв на полу напильник.

На следующий день девочка и мальчик встали рано и направились посмотреть на своего нового гостя, а гость сидел грустный-прегрустный.

— А как мы его назовем? — спросила сестренка у брата.

— Я знаю, — ответил маленький человечек. — Назовем его «Семнадцать»!

Почему Семнадцать? Еще ни одного лесного зверька никогда не называли таким странным именем. Но мальчик учился считать и, вероятно, как раз дошел до семнадцати.

И барсучонка назвали Семнадцать. Ребята принесли ему хлеба, винограда, шоколада, мяса, кузнецов и яичек. За один день барсучонок так привязался к ребятам, что уже к вечеру позволял им чесать себе за ухом. И настолько сильной была искренняя любовь детей, что барсучонок, когда наступила ночь, почти примирился со своим пленом. Он не переставал думать о тех вкусных вещах, которые завтра можно будет съесть, и с нежностью вспоминал об этих светловолосых ребятах, таких веселых, добрых и ласковых.

Несколько ночей подряд собака спала так близко к клетке барсучонка, что родичи пленника не решались приблизиться к ней, хотя это очень их огорчало. А когда барсуки снова пришли к клетке и стали искать напильник, чтобы освободить барсучонка, он сказал им:

— Мама, я не хочу уходить отсюда. Меня тут кормят куриными яичками и очень хорошо со мной обращаются. Сегодня мне сказали, что, если я буду хорошо себя вести, меня скоро выпустят на волю. Эти человечки детеныши похожи на нас: они тоже еще маленькие, и мы играем вместе.

Дикие барсуки сначала сильно опечалились, но потом смирились, решив, что будут приходить каждую ночь навещать барсучонка.

И действительно, каждую ночь, в дождь и в вёдро, мать и братья приходили навещать пленника. Барсучонок просовывал им сквозь прутья кусочки хлеба, и дикие барсуки усаживались перед клеткой поесть.

Прошло полмесяца, и барсучонок уже ходил на воле, а на ночь сам приходил в свою клетку. Все шло замечательно, если не считать, что его несколько раз оттаскали за уши за то, что он гулял слишком близко от курятника. Барсучонок и дети очень сильно любили друг друга, и даже дикие барсуки, увидев, какие хорошие эти человечки детеныши, тоже полюбили их.

Но вот как-то раз в темную-претемную ночь, когда было очень жарко и вдалеке громыхал гром, дикие барсуки, подойдя к клетке, позвали маленького барсучонка, но им никто не ответил.

Они с тревогой приблизились и чуть не наступили на огромную змею, свернувшуюся клубком у самого входа. Барсуки сразу догадались, что змея укусила их барсучонка, когда он входил в клетку, и что он не откликнулся на их зов, потому что, возможно, был уже мертв. О, они отомстят за него! В одну секунду они свели с ума гремущую змею, прыгая туда-сюда перед ее глазами, а в следующую секунду они напали на нее и убили.

Потом они побежали к клетке: там, вытянувшись, лежал их барсучонок, весь распухший, с дрожащими лапками, и умирал. Напрасно они его толкали, напрасно облизывали целых полчаса. Барсучонок вздохнул, наконец, и умер. Вообще барсуки не очень чувствительны к змейному яду, но нашего барсучонка змея, наверно, укусила прямо в вену, поэтому он так быстро и умер. Увидев, что их малыш больше не шевелится, мать-барсучиха и братья-барсучата горько-горько заплакали и плакали долго. Затем они тихонько вышли из клетки, так как там им уже нечего было делать, в последний раз обошли вокруг того

дома, где так счастливо жил их барсучонок, и скрылись в лесу.

Но три барсука, возвращавшиеся в лес, были очень озабочены, их занимала одна мысль: что скажут человечки детеныши, когда на следующее утро увидят своего дорогого друга мертвым? Ведь они любили его очень сильно, а барсуки очень сильно полюбили этих светловолосых малышей.

Так рассуждали трое барсуков, и они решили помочь горю ребят. Они долго обсуждали между собой что-то и, наконец, порешили сделать так: средний барсучонок, который был похож на своего младшего братишку и наружностью и манерами, должен был остаться вместо умершего брата в клетке. Барсуки хорошо знали из рассказов погибшего барсучонка все ходы-выходы в доме и поэтому сделали все возможное, чтобы ребята не заметили никакой подмены. «Ну, может, человечки детеныши удивятся иной раз странному поведению своего друга, но не больше», — думали барсуки. Так оно и случилось.

Как барсуки задумали, так и сделали. Они вернулись в лес, унеся с собой мертвого барсучонка, а вместо него в клетке остался средний брат. Бедный мертвый барсучонок! Голова его склонилась, хвостик волочился по земле.

На следующий день ребята действительно удивились странным повадкам своего друга, но, видя, что он такой же добрый и ласковый, как всегда, ничего не заподозрили.

Барсучонок и дети продолжали весело играть, а дикие барсуки продолжали приходить каждую ночь навещать своего малыша. Он угождал им вареными яичками, а они рассказывали ему о жизни в лесу.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЯБЕБИРИ

Бреке Ябебири, которая протекает в провинции Мисьонес, водится множество скатов, и слово «Ябебири» в переводе с индейского означает не что иное, как «Река скатов». Их так много, что иногда опасно даже ногой ступить в реку. У меня был знакомый, которого скат укусил в пятку, и ему потом пришлось плестись полверсты, прихрамывая, чтобы добраться до дома; он шел и плакал от боли. Боль от укуса ската — это самая сильная боль на свете.

А так как, кроме скатов, в Ябебири водятся и другие рыбы, то многие приходят сюда глушить их динамитными шашками. Они бросают динамит в реку и убивают тысячи рыб. И все рыбы вокруг умирают, хотя бы они и были величиной с дом. Умирают и маленькие рыбки, которые никому не нужны.

И вот однажды поселился в тех краях один человек, который, узнав, что в реку бросают динамитные шашки, начал протестовать, потому что ему стало очень жалко маленьких рыбок. Он никому не мешал ловить рыбу для еды, но не хотел, чтобы миллионы рыбок погибали бесполезно.

Люди, которые бросали динамит, сначала были очень недовольны, но так как новый пришелец, несмотря на свою

доброту, отличался твердым характером, им все же пришлось уйти глушить рыбу в другое место. И все рыбы были этому страшно рады. Они были так рады и так благодарны новому другу за свое спасение, что узнавали его, как только он приближался к реке. А когда он шел по берегу, покуривая, скаты следовали за ним, взбудораживая воду у берега и поднимая со дна тучи ила, довольные, что провожают своего друга. Он ничего не подозревал и жил счастливо неподалеку от реки.

И случилось, что как-то вечером один лис прибежал на берег Ябебири и, ступив лапами в воду, закричал:

— Эй, скаты! Скорее! Сюда идет ваш друг! Раненый!

Скаты, услышав это, испуганно бросились к берегу и спросили лиса:

— Что случилось? Где человек?

— Вот он идет! — закричал снова лис. — Он сражался с тигром и тот преследует его. Охотник, наверно, хочет добраться до острова! Пропустите его, он добрый человек.

— Ну ясно, ну ясно, мы его пропустим, — ответили скаты, — а вот тигра ни за что не удастся здесь пройти.

— Осторожнее с ним, — крикнул на прощанье лис. — Не забудьте, что это тигр.

И, внезапно прыгнув, лис снова скрылся в лесу.

Как только он исчез, на берег, раздвигая ветки кустов, вышел человек; он был в разорванной рубахе и весь залит кровью. Кровь струилась у него по лицу, и по груди, и по ногам, и капала на песок. Он, шатаясь, побрел к берегу, потому что был очень ранен, и вошел в реку. Но едва он успел ступить в воду, как скаты, сгрудившиеся у берега, расступились, давая ему дорогу, и пока человек вброд добирался до острова, причем вода достигала ему до груди, ни один из скатов не тронул его.

И как только человек додел до острова, он упал без чувств на песок, из-за того что потерял очень много крови.

Не успели скаты поплакать как следует над своим умирающим другом, как раздался такой ужасный рев, что они даже подпрыгнули в воде от страха.

— Тигр! Тигр! — закричали они в один голос, стремглав бросаясь к берегу.

И действительно, тигр, который сражался с человеком и теперь преследовал его, показался на берегу Ябебири.

Зверь тоже был тяжело ранен, и все его тело было залито кровью. Увидав безжизненно распростертого на острове человека, тигр, издав яростный рев, бросился в воду, чтобы покончить с ним.

Но едва он сунул туда лапу, как почувствовал, будто в нее вонзилось с дюжину острых гвоздей, и быстро отскочил назад: это скаты, защищавшие переправу, со всей силой вонзили в лапу тигра свои острые иглы.

Тигр захрипел от боли и поднял в воздух лапу; увидев, что вода у берега мутная, словно кто-то взбудоражил весь ил на дне, он понял, что это были скаты, которые не желали его пропускать. И, рассвирепев, он закричал:

— А-а! Я знаю, что это значит. Это вы, проклятые скаты! Сойдите с дороги!

— Не сойдем! — ответили скаты.

— Сойдите!

— Не сойдем! Он хороший человек! Несправедливо убивать его.

— Он ранил меня!

— И ты его тоже ранил. Можешь сводить с ним счеты в лесу. А здесь он под нашей защитой!.. Не пройдешь!

— Дайте пройти! — в последний раз проревел тигр.

— Никогда — нет! — ответили скаты. (Они сказали «никогда — нет», потому что так говорят индейцы-гуарани, что живут в Мисьонес.)

— Посмотрим,— прорычал тигр и подался назад, готовясь к прыжку.

Тигр знал, что скаты почти всегда держатся у берега, и подумал, что если ему удастся сделать большой прыжок, то на середине реки скаты его не догонят и никто не помешает ему съесть умирающего человека.

Но скаты догадались об этом и помчались на середину реки, передавая друг другу команду.

— Дальше от берега! — кричали они под водой.— Глубже! На середину реки! На середину реки!

И в один миг целая армия скатов устремилась на середину реки оборонять переправу, в то время как тигр сделал огромный прыжок и погрузился в воду. Он был вне себя от восторга, так как в первый момент не чувствовал никаких укусов и подумал, что скаты остались у берега и ему удалось обмануть их.

Но не успел он и шагу сделать, как целый дождь игл вонзился в него; тигр взывал от боли и завертелся на ме-

сте: это скаты снова искололи ему все лапы, не оставив живого места.

Тигр все же попытался двинуться дальше, но боль стала такой нестерпимой, что он вдруг дико завыл и бросился обратно к берегу. Там он упал на бок, задыхаясь от боли; живот его поднимался и опускался, словно он невыносимо устал.

А дело в том, что укусы скатов ядовиты и тигр был отравлен.

Но, победив тигра, скаты не успокоились, потому что боялись, что придет тигрица и много других тигров и тогда они не смогут обороныть переправу.

Действительно, вскоре лес опять загудел и появилась тигрица, когда обезумела от ярости, когда увидела лежащего на боку тигра. Она увидела мутную воду, поняла, что там скаты, и подошла к реке. И, почти касаясь воды своей пастью, закричала:

— Эй, скаты! Я хочу пройти!

— Нельзя,— ответили скаты.

— Если вы не дадите мне пройти, здесь не останется ни одного ската с хвостом! — проревела тигрица.

— Если и останемся без хвоста, не дадим пройти,— ответили они.

— В последний раз, дайте пройти!

— Никогда — нет! — закричали скаты.

Разъяренная тигрица нечаянно ступила в воду, и один из скатов, осторожно приблизившись, со всей силой вонзил ей в лапу свою иглу. Зверь взревел от боли, а скаты, улыбаясь, говорили:

— Кажется, у нас еще есть хвосты!

Но тигрица что-то придумала, и с этой думой, не говоря ни слова, она пошла вдоль берега, вверх по течению реки.

А план был такой: переправиться через реку в другом месте, там, где жили другие скаты, которые не знали, что нужно обороныть переправу. И скатами овладело сильное беспокойство.

— Она перейдет реку выше по течению! — кричали они.— Мы не хотим, чтобы человек погиб! Мы должны защитить нашего друга.

И они стали так отчаянно баражаться среди ила, что замутили всю воду.

— Что нам делать? — говорили они.— Ведь быстро плавать мы не умеем... И тигрица будет уже на месте, пре-

жде чем скаты, живущие там, узнают, что переправу нужно обронять во что бы то ни стало...

И никто не знал, что делать. И вдруг один очень умный скатик сказал:

— Я придумал! Давайте пошлем туда золотых рыбок. Они наши друзья! Они плавают быстрее всех!

— Правильно! — закричали все.— Давайте пошлем золотых рыбок!

В один миг была подана команда, и в другой миг целая армия золотых рыбок, образовав восемь или десять рядов, уже плыла с бешеною скоростью вверх по течению, оставляя борозды на воде, словно маленькие торпеды.

Но даже и они с трудом успели передать приказ о защите переправы: тигрица была уже на середине реки и подплывала к острову. Однако скаты во-время оказались на другом берегу, и как только тигрица коснулась ногами дна, они напали на нее и стали колоть ей лапы своими острыми иглами. Разъяренный и обезумевший от боли зверь ревел и прыгал, поднимая вокруг себя целые тучи воды. А скаты, обороняя подступы к острову, все нападали и нападали на нее, загораживая ей путь, пока тигрица не повернула обратно и, так же как раньше тигр, не упала без сил на песок, подняв в воздух все четыре невероятно распухшие лапы. И на сей раз тиграм не удалось добраться до человека и съесть его.

Однако скаты тоже очень устали. А хуже всего было то, что тигр и тигрица в конце концов все же поднялись и убежали в лес.

Что они теперь станут делать? Это очень беспокоило скатов, и они долго совещались между собой. И, наконец, сказали:

— Мы знаем, что они будут делать. Они пойдут за другими тиграми и явятся все вместе. И все вместе пройдут через реку.

— Никогда — нет! — закричали молодые скатики, у которых еще было мало опыта в жизни.

— Нет, пройдут,— печально ответили старики.— Если их будет много, они добьются своего... Давайте посоветуемся с нашим другом.

И все отправились к человеку, потому что, обороняя переправу, они не успели сделать этого раньше.

Человек все еще лежал на песке, так как потерял много крови, но мог уже говорить и немножко шевелиться.

В один миг скаты рассказали ему все, что произошло, и как они защищали переправу от тигров. Раненый человек был очень растроган дружбой скатов, которые спасли ему жизнь, и с искренней нежностью погладил скатов, находившихся ближе всего к нему. И он сказал:

— Ничего не поделаешь. Если тигров будет много и они захотят пройти, то пройдут...

— Не пройдут! — сказали маленькие скаты. — Вы наш друг, и они не пройдут.

— Нет, пройдут, дружочки мои! — сказал человек и шепотом прибавил: — Единственный выход — послать кого-нибудь ко мне домой, чтоб он принес винчестер и патроны... но в реке у меня нет ни одного друга, кроме рыб... а по земле никто из вас ходить не умеет...

— Что же делать? — спросили испуганно скаты.

— Погодите... погодите... — сказал тогда человек и провел рукой по лбу, словно припоминая что-то. — У меня был один друг... водяная свинка капиbara, которая выросла в моем доме и, кажется, поселилась где-то здесь, на Ябебири, но где она сейчас, я не знаю...

Тогда скаты радостно закричали:

— Мы знаем! Мы ее знаем! Она живет на другом конце острова! Она рассказывала нам о вас! Мы сейчас пошлем за ней.

Сказано — сделано. Одна из самых больших золотых рыбок отправилась вниз по реке искать водяную свинку капиbara, а человек между тем зачерпнул воды и, растворив на ладони капельку засохшей крови, сделал чернила; потом вместо ручки взял рыбью кость, а вместо бумаги — засохший листик и написал такое письмо: «Пришлите мне со свинкой винчестер и целую коробку патронов, двадцать пять штук».

Не успел человек закончить письмо, как вся окрестность содрогнулась от глухого рева: это все тигры, собравшись вместе, приближались к берегу, готовясь к бою. А скаты, высунув головы из воды и стараясь не замочить драгоценное письмо, уже мчались к свинке, которая, получив его, пустилась напрямик через травянистые луга к дому, в котором жил человек.

Мешкать было нельзя: глухой рев тигров слышался все громче и ближе. Скаты собрали золотых рыбок, ожидающих приказа, и закричали:

— Скорей, подружки! Плывите по всей реке и бейте тревогу! Чтобы все скаты по всей реке были наготове! Пусть все соберутся у острова! Посмотрим, удастся ли им пройти!

И тотчас же множество золотых рыбок помчалось вверх по течению, вниз по течению, оставляя на воде полоски,— так быстро они мчались.

На всей Ябебири не осталось ни одного ската, который не получил бы приказа плыть к острову. Со всех сторон: из-под камней, из тины, из рукавов и притоков,— со всей большой Ябебири спешили к острову скаты, чтобы защитить переправу от тигров. А возле острова золотые рыбки плавали вперед-назад, как молнии.

Снова пора было действовать: страшный рев заставил задрожать даже воду в реке, и тигры разом выскочили из-за кустов.

Их было много: казалось, здесь собирались все тигры, какие только есть в Мисьонес. Однако вся Ябебири уже бурлила от скатов, которые бросились к берегу, готовые любой ценой защитить переправу.

— Дайте пройти!

— Нет, нельзя пройти! — ответили скаты.

— Дайте пройти, повторяем!

— Не пройдете!

— Не останется в живых ни одного ската, ни одного сына ската, ни одного внука ската, если не дадите пройти!

— Может быть,— ответили скаты.— Но ни тигры, ни сыновья тигров, ни внуки тигров, ни все тигры на свете здесь не пройдут.

Так ответили скаты. Тогда тигры проревели в последний раз:

— Дайте тиграм пройти!

— Никогда — нет!

И сражение началось. Гигантскими прыжками тигры бросались в воду и падали на плотный настил из скатов. Скаты вонзали в их лапы свои острые иглы, и при каждом уколе тигры рычали от боли. Но они отчаянно отбивались, размахивая в воде своими лапами с острыми когтями. И скаты летели в воздух со вспоротыми животами.

Ябебири казалась рекой крови. Скаты умирали сотнями, но и тигры получали страшные раны и убегали, чтоб выть, лежа на песке, подняв в воздух распухшие, бесформенные лапы. Скаты, растоптанные, разорванные ког-

тями тигров, не отступали ни на шаг. Все новые и новые защитники спешили к переправе. Некоторые из них взлетали в воздух и, упав в воду, снова устремлялись против тигров.

Полчаса длилась эта ужасная борьба. А через полчаса все тигры снова были на берегу и, сидя на песке, высунув язык от усталости, рычали от боли. Ни один из них не прошел.

Но и скаты были уже при последнем издохании. Многие, очень многие из них погибли. А те, которые остались в живых, говорили:

— Вторую такую битву нам не выдержать! Нужно послать золотых рыбок за подкреплением. Пусть сейчас же соберутся скаты со всей Ябебири!

И золотые рыбки снова быстро-быстро помчались вверх и вниз по реке, оставляя борозды на воде, словно маленькие торпеды.

А скаты отправились к человеку:

— Нам больше не устоять! — печально сказали они ему. И некоторые из скатов даже плакали, видя, что им не удается спасти своего друга.

— Уходите отсюда, скаты, — сказал раненый человек. — Оставьте меня одного. Вы и так слишком много сделали для меня! Дайте тиграм пройти!

— Никогда — нет! — выкрикнули скаты единым духом. — Пока останется хоть один живой скат в Ябебири, нашей родной реке, мы будем защищать доброго человека, который когда-то защитил нас!

Тогда раненый человек растроганно сказал:

— Скаты! Я почти при смерти, и мне трудно говорить, но обещаю вам, что, когда у меня будет винчестер, мы устроим такую потеху, что рассказов хватит на целый год. Это я вам твердо обещаю!

— Да, да! Мы знаем! — радостно закричали скаты.

Но не успели они договорить, как сражение возобновилось. И правда, тигры, которые уже отдохнули, вдруг разом вскочили, и, пригнувшись, словно готовясь к прыжку, заревели:

— В последний раз и раз навсегда: дайте пройти!

— Никогда — нет! — ответили скаты, устремляясь к берегу. Но тигры были уже в воде, и борьба разгорелась с новой силой. Теперь вся Ябебири, от берега до берега, покраснела от крови и кровавая пена кипела на песке при-

брежья. В воздух то и дело взлетали растерзанные скаты, и тигры хрюпло ревели от боли. Но ни те, ни другие не отступали ни на шаг.

А тигры не только не отступали, но даже продвигались вперед. Напрасно армии золотых рыбок сновали вниз и вверх по реке, сзываая скатов,— скатов больше не было: ведь все они сражались у острова, и теперь половина из них уже погибла. А те, кто остался в живых, были ранены или совсем выбились из сил.

Скаты поняли, что им не продержаться больше ни минуты и тиграм удастся пройти. И бедные скаты, которые предпочитали скорее умереть, чем выдать своего друга, в последний раз кинулись на тигров. Но все было напрасно. Пять тигров уже плыли по направлению к острову. Скаты в отчаянии кричали:

— К острову! Скорее на тот берег!

Но опять было поздно. Еще два тигра бросились вплавь, и в одну минуту все тигры оказались на середине реки, а из воды виднелись только их головы...

Но в это же самое время какой-то маленький зверек с красновато-коричневой шерсткой, изо всех сил двигая лапками, плыл через Ябебири; это была свинка капибара, спешившая к острову с винчестером и пулями. А чтобы винчестер и пули не намокли, свинка несла их на голове. Человек закричал от радости, поняв, что теперь он еще успеет помочь скатам. Он попросил свинку, чтоб она подтолкнула его головой и повернула на бок, потому что сам он повернуться не мог, и, лежа на боку, зарядил винчестер с быстротою молнии.

И в тот момент, когда разорванные, раздавленные, окровавленные скаты уже считали, что сражение проиграно, и ждали, что вот сейчас тигры сожрут их бедного раненого друга, в этот самый момент они услышали какой-то треск и увидели, что тигр, который шел впереди и уже ступил на песок, вдруг высоко подскочил и упал мертвым с раздробленной головой.

— Браво, браво! — закричали скаты в бешеном восторге.— У человека уже есть винчестер. Мы спасены!

И они замутили всю воду, потому что были просто вне себя от радости. А человек спокойно продолжал стрелять, и с каждым выстрелом падал мертвым новый тигр. Как только новый тигр падал мертвым, скаты восторженно били хвостами по воде.

Один за другим, словно молния ударила их в голову, падали тигры под выстрелами человека. Все это длилось не больше двух минут. Один за другим тигры шли ко дну и попадали на обед к прожорливым хищным рыбам «паломета». Некоторые всплыли потом на поверхность, и золотые рыбки провожали их до самой Параны, отрывая от них кусочки мяса и поднимая целые тучи брызг от удовольствия.

Очень скоро скаты, у которых обычно бывает много детей, снова, как прежде, заселили реку. Человек вылечился и был так благодарен скатам, которые спасли ему жизнь, что перешел жить на остров. И там в летние ночи он любил ложиться на берегу, покуривая при свете луны, а скаты, тихонько перешептываясь, показывали его тем рыбам, которые его не знали, и рассказывали им о великой победе, которую они одержали вместе с этим человеком в сражении против тигров.

ЛЕНИВАЯ ПЧЕЛА

ила-была в одном улье пчела, которая не любила работать. Другими словами, она летала с дерева на дерево, собирала цветочный сок, но вместо того, чтобы делать из него мед, съедала сама.

Это, понимаете ли, была ленивая пчела. Каждое утро, едва проглянет солнышко, наша пчелка высовывалась из лётка и, удостоверившись в том, что погода хорошая, прихорашивалась, терла голову лапками, как это делают мухи, и отправлялась на прогулку, радуясь пригожему дню.

Она жужжала, замирая от восторга, и без устали порхала с цветка на цветок, возвращалась в улей, опять вылетала и так проводила целый день, пока другие пчелы без отдыха трудились, наполняя соты медом, потому что мед — это пища для маленьких пчелок, только что родившихся на свет.

Но так как пчелы — народ серьезный, они стали скоро сердиться на ленивицу-сестрицу за ее постоянные прогулки.

В улье, возле лётка, всегда копошатся несколько пчел, которые охраняют свой дом от других насекомых. Это

обычно самые старые, опытные, мудрые пчелы, и спинка у них всегда вытерта, потому что они потеряли все свои волоски, влезая в улей и вылезая из него через леток.

И вот однажды пчелы-сторожа задержали ленивую пчелу, когда она хотела влезть в улей, и сказали ей:

— Послушай, подружка, ты тоже должна работать, все пчелы должны работать.

Пчелка отвечала:

— Я целый день летаю и устаю до невозможности.

— Надо, чтоб ты не уставала до невозможности,— ответили ей,— а по возможности работала. Это тебе наше первое предупреждение.— И, сказав так, пчелы пропустили ее.

Но ленивая пчела все никак не могла исправиться. И поэтому пчелы-сторожа на следующий день сказали ей:

— Надо работать, сестра.

И она тут же ответила:

— На этих днях обязательно начну.

— Нет, не на днях,— отвечали ей сторожа,— а завтра же. И смотри не забывай об этом.— И они пропустили ее в улей.

На следующий день, под вечер, повторилось то же самое. Но прежде чем ленивой пчеле успели что-либо сказать, она воскликнула:

— Да, да, сестрички, я помню, что обещала.

— Дело не в том, что ты помнишь,— отвечали ей,— надо, чтобы ты выполняла то, что обещала. Сегодня девятнадцатое апреля. Ну так вот, завтра, двадцатого, ты должна принести хотя бы капельку меда. А сейчас проходи.

Говоря так, пчелы отползли в сторону и пропустили ленивицу в улей.

Но следующий день прошел так же, как и другие дни, с той только разницей, что на закате погода испортилась и подул холодный ветер.

Ленивая пчелка поспешила к своему улью, размышая о том, как, должно быть, тепло и уютно дома. Но когда она захотела войти в улей, пчелы-сторожа не пустили ее.

— Нельзя,— сказали они ей холодно.

— Я хочу домой! — воскликнула пчелка.— Это мой улей!

— Нет, этот улей принадлежит бедным пчелам-труженицам,— отвечали ей сторожа.— Лентяев сюда непускают.

— Я обязательно начну завтра работать,— настаивала пчелка.

— Нет завтра для тех, кто не работает,— отвечали ей пчелы, которые всегда любят философствовать. И, говоря так, они вытолкнули ее вон.

Пчелка, не зная, что ей делать, полетала еще немного, но ночь уже наступила и кругом стало темным-темно. Она хотела сесть на листик, но упала на землю. Она вся окоченела от холода и уже больше не могла летать. Ползая по земле, поднимаясь и падая, натыкаясь на щепочки и камешки, которые казались ей горами, она добралась, наконец, до улья — как раз в ту минуту, когда упали первые капли холодного дождя.

— Боже мой! — воскликнула несчастная пчелка.— Начинается дождь, и я умру от холода.— И она попыталась пролезть в улей. Но ей снова преградили путь.

— Простите,— стонала пчелка.— Пустите меня домой!

— Поздно! — отвечали ей.

— Сестрицы, пустите меня, пожалуйста, я хочу спать.

— Слишком поздно!

— Подружки, сжальтесь, мне холодно.

— Невозможно!

— Я вас умоляю! Я сейчас умру.

На это ей ответили:

— Нет, ты не умрешь. Но ты за одну ночь узнаешь, что значит заслуженный отдых после трудового дня. Уходи.

И ее выгнали.

Дрожа от холода, опустив промокшие крылышки, потащилась, спотыкаясь, наша пчелка сама не зная куда; она ползла, ползла и вдруг провалилась в какую-то яму, вернее в какую-то пещеру.

Она падала, падала, и ей казалось, что она никогда не остановится. Наконец, она упала на дно и внезапно очутилась перед змеей, зеленою змеей с бурокрасной спинкой, которая, свернувшись клубком, смотрела на пчелу, готовая броситься на нее.

Пещера, в которую свалилась ленивая пчела, была на самом деле совсем не пещерой, как она вначале подумала, а ямой, оставшейся от дерева, которое давно уже пересадили в другое место. Здесь и жила змея.

Змеи питаются пчелами, это их лакомое блюдо,—

вот почему наша пчела, увидев перед собой врага, закрыла от ужаса глаза и прошептала:

— Прощай, моя жизнь. В последний раз я вижу белый свет.

Но к ее великому удивлению змея на съела ее, а, на-против, заговорила с ней:

— Как поживаешь, пчелка? — спросила змея. — Ты, верно, не очень-то любишь работать, если попала сюда в такой поздний час.

— Да, ты угадала, — промолвила ленивица, — я не работаю, и я сама во всем виновата.

— Ну, в таком случае, — прошипела насмешливо змея, — я избавлю землю еще от одного гадкого насекомого: я съем тебя, пчела.

Тогда пчелка, дрожа всем телом, вскричала:

— Это будет несправедливо, совсем несправедливо. Вы хотите съесть меня только потому, что вы сильнее. Вот люди знают, что такое справедливость...

— Ах, ах, — проговорила змея, лениво сворачиваясь в клубок, — ты так хорошо знаешь людей. И ты утверждаешь, будто люди, которые отбирают у вас мед, более справедливы, чем я? Ах ты дурочка!

— Нет, дело не в том, что они отбирают у нас мед, — возразила пчела.

— А в чем же?

— А в том, что они умнее нас, — сказала пчелка.

Но змея расхохоталась и воскликнула:

— Ну, хорошо. Справедливость справедливостью, а все-таки я тебя съем. Приготовься. — И змея откинулась назад для прыжка.

Но пчелка воскликнула:

— Вы делаете это потому, что я умнее вас.

— Умнее меня? Ах ты сопливая! — фыркнула змея.

— Да, умнее, — повторила пчела.

— Ладно, — сказал змея, — посмотрим, кто из нас умнее. Это еще надо доказать. Давай обе сделаем что-нибудь необыкновенное. Кто сделает самое необыкновенное, тот выигрывает. Если выиграю я, я тебя съем.

— А если выиграю я? — спросила пчела.

— Если выиграешь ты, — проговорила ее противница, — я разрешу тебе провести здесь всю ночь, до рассвета. Согласна?

— Хорошо, — ответила пчела.

Змея снова принялась хохотать,— она придумала хитрую проделку, да такую, что пчеле никогда в жизни не повторить.

Вот что она придумала. В мгновение ока змея выползла наружу и, прежде чем пчела успела опомниться, вернулась с шишкой эвкалипта, сорванной с того самого эвкалипта, в тени которого стоял улей.

Такие шишки ребята запускают как волчки, их так и называют «эвкалиптовые волчки».

— Вот что я сделаю,— сказала змея.— Смотри внимательно! — И, живо сбрынув вокруг шишки свой хвост, как тоненькую, крепкую веревку, она с такой силой и быстротой развернула его, что волчок зажужжал и затанцевал, как бешеный.

Змея смеялась и торжествовала, потому что ни одна пчела ни за что в жизни не сумеет запустить волчок. Но когда волчок стал клониться набок, словно засыпая, как это случается со всяkim волчком, а потом и вовсе упал на землю, пчела сказала:

— Это очень ловкая штука, и я, конечно, никогда не смогу сделать ничего подобного.

— Ну, тогда я тебя съем,— воскликнула змея.

— Минутку! Я не смогу сделать того, что ты, но я делаю нечто такое, чего никто не сделает.

— Что же это?

— Я исчезну.

— Как так? — воскликнула змея, подскочив от удивления.— Исчезнешь, не выходя отсюда?

— Да, не выходя отсюда.

— И не спрятавшись в земле?

— И не спрятавшись в земле.

— Ну что ж, давай попробуй. А если ты этого не сделаешь, я сразу же съем тебя,— сказала змея.

Дело в том, что пока волчок кружился, пчела успела осмотреть всю яму. Посреди нее она заметила маленький кустик, вернее даже не кустик, а травку с большими листьями.

Пчела подползла к этой травке, стараясь не дотрагиваться до нее, и сказала:

— Теперь наступила моя очередь, сеньора Змея. Будьте любезны, отвернитесь и сосчитайте до трех. Как только вы скажете «три», можете искать меня повсюду. Меня уже не будет!

Так и случилось. Змея быстро сосчитала до трех, проговорив: «Раз, два, три...» — обернулась и широко-широко разинула пасть от удивления. В яме ничего не было. Змея посмотрела вверх, вниз, вправо, влево, обшарила все уголки, осмотрела травку, пощупала языком все вокруг. Напрасно: пчела исчезла. Тогда змея поняла, что хотя ее проделка с волчком была ловкой, но пчелкина загадка была позаковыристее. Что она сделала? Где спряталась? Никак не угадаешь!

— Ладно,— проговорила, наконец, змея.— Сознаюсь: проиграла. Где ты?

И тогда откуда-то из глубины ямы раздался тоненький, едва слышный голосок — это был пчелкин голосок.

— А ты мне ничего не сделаешь? — спрашивал голосок.— Я могу верить твоей клятве?

— Да,— ответила змея.— Клянусь, ничего. Где ты?

— Здесь,— откликнулась пчелка, внезапно появляясь из свернутого в трубочку листика.

Что же произошло? А очень просто. Травка, в которой спряталась пчела, называется «недотрогой». Здесь, в Буэнос-Айресе, тоже немало ее растет. Листики ее свертываются трубочкой от малейшего прикосновения. А то, что мы рассказываем, происходило в Мисьонес, где вообще очень богатая растительность, и потому листочки у «недотроги» очень крупные. И вот когда пчела прикоснулась к листику «недотроги», он свернулся и скрыл нашу приятельницу от глаз врага.

Змея не была наблюдательна и не знала этих свойств травки «недотроги», но умная пчелка давно уже изучила их и теперь воспользовалась ими, чтобы спасти свою жизнь.

Змея ничего не сказала, но так разозлилась на пчелу за свое поражение, что бедной гостье не раз приходилось за ночь напоминать змее о данном ею слове.

Наступила длинная, бесконечная ночь, которую змея и пчела провели, забившись в самый дальний угол и прислонившись к стене ямы, потому что разразилась сильная гроза и вода рекой текла в яму. Было очень холодно и темно. Змея то и дело чувствовала неудержимое желание наброситься на пчелу, и у той каждый раз душа уходила в пятки. Никогда в жизни не думала пчела, что ночь может быть такой холодной, длинной и страшной. С тоской

вспоминала она о своей былой жизни в теплом, уютном улье и жалобно тихонько плакала.

Когда наступил день и выглянуло солнышко, пчела вылетела из ямы и снова засияла слезами, подлетев к своему улью, построенному трудами всего семейства.

Пчелы-сторожа, не говоря ни слова, пропустили ее. Они прекрасно поняли, что если пчела возвратилась, то больше она уже не будет гулякой, лентяйкой и бездельницей, ведь жизнь за одну только ночь дала ей суровый урок и научила многому. Так оно и было. После этой ночи никто из пчел в улье не собирал столько пыльцы с цветов и не приносил столько меда, сколько эта пчела.

А когда наступила осень, а с ней и последний день жизни нашей пчелки, она выбрала свободную минутку, чтобы сделать последнее наставление молодым пчелкам, окружавшим ее:

— Не столько наша смекалка, сколько наш труд делают нас такими сильными. Я всегда лишь один раз воспользовалась своей смекалкой, когда была в опасности моя жизнь. Но мне не нужно было бы хитрить, если бы я, как и все, добросовестно трудилась. Я не меньше устала, летая целый день без дела, чем потом во время работы. Раньше мне не хватало сознания своего долга,— я приобрела его в ту памятную ночь.

Трудитесь, подружки, думая о том, что цель наших усилий — счастье всех — превыше усталости каждого из нас в отдельности. Люди называют это идеалом, и они правы. И не должно быть на свете иной философии, чем эта.

СОДЕРЖАНИЕ

Орасио Кирога. Предисловие <i>С. Мамонтова</i>	3
Гигантская черепаха. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	5
Чулки фламинго. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	11
Плешивый попугай. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	16
Война крокодилов. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	22
Слепая лань. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	32
Сказка про двух барсучат и про двух ребят. <i>Перевод Р. Похлебкина</i>	39
Переправа через Ябебири. <i>Перевод С. Мамонтова</i>	46
Ленивая пчела. <i>Перевод Р. Похлебкина</i>	56

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Орасио Кирога

Сказка Сельвы

Редактор Р. Похлебкин

Художник Б. Свешников

Художественный редактор Л. Калитовская

Технический редактор М. Позднякова

Корректор З. Жигур

*

Подписано в печать с матриц 20/IX 1957 г.

Бумага 84×108^{1/32}. 2 печ. л. 3,28 усл. печ. л.

3,1 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 960.

Цена 75 коп.

*

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманская, 19

Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова

Московского городского Совнархоза.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

